

ИЛЬДАР АБУЗЯРОВ

КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ

ЧЕРНО-
БЕЛЫЙ
РОМАН

18+

СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ
ВРАТЬ

25
ГОРОДАМ

Ильдар Анвярович Абузяров

Корабль Тесея

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69474934

Корабль Тесея. Черно-белый роман / Ильдар Абузяров: Городец; Москва;

2023

ISBN 978-5-907641-21-1

Аннотация

Гонимый чувством, герой блуждает по лабиринту городских улиц. Он отправляется в путь по зову необъяснимого, но предсказать, куда приведет его этот зов, не в его силах. Тайны в лабиринте вчерашнего дня зачастую важнее секретов сегодняшнего, а за очередным поворотом может поджидать и прекрасная Елена, и чудище-Минотавр. Самое сложное на этом пути – не ошибиться с выбором парусов, не перепутать черное с белым.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	24
Глава 2	42
Глава 3	54
Глава 4	67
Глава 5	89
Глава 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ильдар Абузяров
Корабль Тесея.
Черно-белый роман

© Абузяров И. А., 2023

© ИД «Городец», 2023

Пролог

Промежуток перехода

1

Все, что мне осталось, – это смотреть на людей в метро. Каждый день я спускаюсь в переход между двумя станциями, чтобы смотреть на них, вдохновляться и писать их имена на тонкой рисовой бумаге. Я сажусь в длинном тусклом переходе и вывожу буквы. Отныне я буду сидеть здесь и писать каждый день, подобно тому, как художники пишут свои полотна на пленэре. Только я пишу не картины, а имена – на китайском, арабском, японском, хинди, древнеегипетском. Кто на каком пожелает...

Пусть здесь душно и неудобно, я буду писать, я буду стараться сосредоточиться, стараться выводить маленькие или размашистые буквы на салфетках, так я называю прозрачную рисовую бумагу.

Каждая салфетка, если ее развернуть, размером с плитку керамогранита, которой обложены стены перехода. Они напоминают надгробные плиты с эпитафиями каждой мелькнувшей в моей жизни душе.

Как там надгробный стих на могиле Китса: «Здесь ле-

жит тот, чье имя начертано на воде». Написание иероглифов дождевой водой на асфальте или краской на водной глади – та еще медитация. Вода вбирает в себя все, в том числе запахи, время и имена. Йейтс, Элиот, Фрост. Впрочем, мне гораздо больше нравится эпитафия, которая начертана на могиле Уайльда: «Все мы сидим в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звезды». Или на могиле Коперника: «Остановивший Солнце – двинувший Землю».

Солнце – звезда, что рисует лучами иероглифы в небе и на земле. Но в моей жизни была звезда и поближе: это ты, Мелисса. И потому я буду чертить твое имя, буду писать его на салфетках, которые набрал в уличных кафе, или в клетках тетрадок, которые купил на распродаже после того, как отзвенел первый звонок, да и второй, и третий звонки уже отзвенели, и тогда уже неприлично метаться и стонать зрителю в зале. А можно только принять правила игры, вжаться, будто в кресло взлетающего лайнера, в сиденье и покорно склонить голову перед представлением, которое проходит без тебя и, в общем-то, если быть до конца честным, не для тебя.

– «Наконец счастлив» – вот идеальная эпитафия! – воскликнул как-то в ответ на мои рассуждения Алистер. – И заметь, написана она на могиле физика и математика, что лишний раз подтверждает, что ученые точнее, лаконичнее, логичнее и, как следствие, умнее вас, гуманоидов.

Сам Алистер – физик и математик. И это он привел меня на кладбище и пристрастил бродить меж могил и читать

эпитафии. Он же научил меня каллиграфии и рассказал мне о памятнике, который хотел бы видеть на своей могиле. А еще он приучил меня лежать на чужих могилах и смотреть на звезды глазами мертвых.

2

«Представление!» Вы заметили? Я сказал «представление». Будто я хочу снять с себя всякую ответственность, уклониться от действия и остаться лишь наблюдателем. Будто я хочу жить так, чтобы целыми днями только и делать, что посещать театр или даже театры и созерцать. Будто я хочу жить и после смерти. Будто я хочу жить и после третьего звонка и все так же обладать пятью чувствами. Видеть, слышать, обонять, осязать, чувствовать вкус.

Я вытягиваю руку и касаюсь пятью пальцами чуть шершавой поверхности плитки, на которой было начертано твое имя, стертое со временем ветром, смытое от людских глаз водой. Про эту надпись знаем только я и духи.

Чтобы в подземке у меня была связь с духами, я почти-тельно снимаю шапку и кладу ее возле себя на пол. Так я прошу о покровительстве, попутно прикидываясь попрошайкой. Иногда прохожие кидают деньги. Они думают, что я слабоумный, перебирающий пустые бумажки, что я здесь ради денег. Некоторые еще считают меня местной достопримечательностью, городским сумасшедшим, бормочущим под нос

непонятные слова и странные заклинания. Но на самом деле я не слабоумный. Я кидаю шапку как отмазку от фараонов. Чтобы залетные менты-фараоны-бандиты не думали, что я тут развил особо прибыльный иероглифический бизнес, и не отвели меня за шкуру в налоговую или в участок.

Да, на этот случай рядом со мной лежит моя гитара, и время от времени, если милиция рядом и есть опасность, я делаю вид, что я уличный музыкант-трубадур, который уже собирается покинуть переход. А с уличных музыкантов, с этих юродивых бедолаг – поэтов и бродяг – какой может быть спрос? Нам бы, художникам, себя прокормить! Если шапка лежит, значит, я ничем не торгую. Наоборот, подают и продают мне. Иногда подходят торговцы и предлагают свой товар – ручки с тройным стержнем и супер-пупер чернилами и карандаши со стирающими ластиками на другом конце. Старатели со стирателями – так их здесь называют в шутку. Этими стирателями от старателей я уничтожаю неудавшиеся иероглифы.

3

Удавшиеся иероглифы я отдаю людям за сумму, которую им не жалко за свой заказ. Иностранные туристы или заглявшие бизнесмены жертвуют крупные купюры. Наркоманы или студентки – яблоко или печенье. Бродяги предлагают налить.

Оборотни в погонах забирают у меня половину выручки. Треть мыслей, образов и слов, пришедших мне в голову как стихи, оказываются незаписанными из-за суеты вокруг. Треть из оставшихся выветриваются из памяти. Еще треть оказываются никчемным мусором. Но это и не важно. Придут еще. А эти пусть текут себе прочь.

Десять процентов – вот мой доход и прибыль. Будто я какая ходячая церковь, живущая на подаяния. Впрочем, так оно и есть – я живу на подаяния. Я подсчитал, что за день писанины мне накидывают в шапку в среднем тысячи три-четыре рублей. Треть, как я уже говорил, забирает милиция на горячий чай с пирожками в соседнем киоске. Половину оставшегося присваивает крыша подземки. Их у меня собирает за арендованное место безрукий-безногий Радий на инвалидной коляске.

Арендованное у кого? Воздуха? Пустоты? Улицы? Космоса? Звучит-то как: «крыша подземки»! Пожалуй, так стоило бы назвать поэму, напиши я ее однажды. Но это вряд ли. В день я пишу не больше одной песни-стиха и сотни три имен. Выходит, каждая моя строка стоит около десяти рублей. Меня это и печалит, и радует.

Печалит то, что мой труд так малооплачиваем; радует, что я еще вообще хоть что-то стою. Когда радуюсь, я выдавливаю из себя строку, словно пасту с мелиссой из тюбика на щетку.

Помимо гитары, я ношу с собой ящичек с красками и кистями, с щеткой и гуталином. Я еще ни разу никому не на-

чищал обувь, но однажды мне, возможно, и это предстоит, если только мои иероглифы вдруг перестанут пользоваться спросом и ничего не останется, как замазать белую поверхность гуталином.

Ящик и гитара – мои щит и меч, мои котомка и посох. Для арлекина и трубадура вроде меня – это незаменимые неземные вещи. Ящик мне служит еще стулом или столом, когда я исполняю песни или пишу имена. Я сажусь на него и, как чистильщик обуви, втираю чернила в бумагу, натираю, шлифую, стараясь белую пустую гладь превратить в замаранную, в поверхность хоть с каким-то смыслом и именем.

Когда никто ко мне не обращается, я для тренировки и медитации пишу твое имя. Потому что я сижу здесь не ради себя, а ради тебя, Мелисса.

Я знаю: однажды наступит такой день, и ты пройдешь мимо меня по переходу. Просто не можешь не пройти по теории вероятности. Ведь когда-нибудь ты приедешь в центр погулять с новым возлюбленным или со старыми подругами. Наверняка тебя будет тянуть туда, где мы провели столько месяцев.

4

В длительном периоде все побочные эффекты – внешность и статус – разрушатся. Потому что переход – промежуточное положение между одним состоянием и другим. И

здесь, как нигде, понимаешь, что все мимолетно, все проходяще. В итоге будет жить только текст. Главное, оставаться идеалистом и верить. Вся наша жизнь – только переход из одного состояния в другое. Промежуток между первым, вторым и третьим...

Как сказал Гадамер, автор – случайный элемент, который рано или поздно отпадет. Рассыплется в прах. И потому не стоит в первую очередь думать о животе своем.

Хотя почему бы и не подумать. Когда я хочу есть, я хожу в столовую номер один. Собранных денег хватает, чтобы заказать простые первое, второе, третье...

Живу я в маленькой отдельной каморке в центре города, с маленькой кухонькой, отделенной от комнаты картонкой и буфетом. В дворницкой, которую мне позволили арендовать у города, когда я только приехал сюда и устроился работать в услужение Великому Питеру в ЖЭК или ТСЖ. Меня даже прописали здесь, а теперь не могут выписать и выкинуть по закону, потому что другого жилья у меня нет. На самом деле надо мной сжалилась начальница ЖЭКа, сердобольная женщина. Это она, а не Питер, прониклась ко мне симпатией и за энную сумму уступила «каморку папы Карло», как я ее называю.

Можно сказать, мне повезло, потому что плачу за коммуналку совсем немного. У меня есть один знакомый, Макс, который такие же деньги платит посуточно за койко-место в хостеле. Причем в том же самом доме и даже в том же самом

подъезде...

Работает знакомый аниматором. А проще говоря, в костюме зебры или льва или петуха раздает флаеры на Невском. Точнее, рекламные буклеты закуской «КФС», фирменного магазина «Зенит» или приглашительные в салон «Розовая пони». Так и написали в женском роде, заманивая одиноких мужчин.

В народе за наряды пони и льва Макса прозвали Сфинксом. И платят ему за этот маскарад что-то около тысячи в день. Из них рублей 600–700 он отдает за койко-место в хостеле. Если отстегивать заранее за весь месяц сразу, то можно сговориться и на пятьсот. А в не сезон на все четыреста. Хотя я так и не понял, когда в Питере наступает не сезон, если здесь круглый год дожди, слякоть, туманы и полно туристов.

Иногда Макс-Сфинксу удается подработать на детском празднике. Ему даже переодеваться не нужно. Он бросает флаеры в урну и в том же костюме, который выдают ему каждое утро, идет в какое-нибудь кафе в центре на «день рождения – праздник детства». Или едет на окраину в садик на утренник изображать бременского музыканта.

– Дети – самые прекрасные зрители, – утверждает Макс, – ты бы видел их глаза. Они реально верят, что я кентавр, когда я появляюсь в костюме лошади без головы.

– А в костюме петуха и с головой барана? – подначиваю я Сфинкса, потому что знаю, как ему не по душе его кличка.

– Не, такого не бывает, потому что в фирме мне выдают только один костюм на день.

После рассказа Сфинкса я думаю о детях, теряющих чистоту и непосредственность восприятия. И веру в чудо. Давно ли прозвенел их первый звонок? А последний звонок? А третий перед началом спектакля, когда поднимается занавес? А тот звонок, после которого все маски сброшены? Давно ли нарядные детишки – мальчики в первых своих костюмах и белых рубашках и девочки с косичками-хвостиками и большими бантами – пошли в лакированных туфельках в школу, познакомились, встали на линейку, заняли парты, выучились, выпустились, занавес опустился, свет погас, оркестранты ударили по струнам, и вот он я – в переходе метро. Пишу их взрослые имена...

– Я для себя решил однажды, что глупо уходить со второго акта. Пьесу нужно досмотреть до конца, – ответил как-то безрукий-безногий попрошайка Радий на мое замечание, что лучше таким паразитам, как мы, и вовсе не жить на белом свете.

– Даже если спектакль окажется дрянь?

– Если дрянь, тем более, – махнул он рукой на приклеенные к стене бумажки с телефонами. – Вокруг столько интересного.

«Группа грузчиков поможет с мебелью. Интим не предлагать».

– И чем тебя привлекло это объявление? – поддел я Радия

в обычной манере. – Хочешь подзаработать на допуслугах?

– Я хочу, чтоб у меня были руки и ноги и я мог нести тяжесть на своих плечах!

– Мне хоть не ври! Тебе удобно наблюдать за пьесой из твоего кресла-качалки, – указал я смотрящему за переходом на его инвалидную коляску, – неплохо устроился.

– А тебе-то че трудного? – ухмыльнулся Радий. – Тоже мне, возомнил себя поэтом на минималках.

Радий был прав. Еще со школы, с первых заученных стихов, я научился вставать в позу: Бодлер, Верлен, Рембо... Проклятые поэты, неистовые романтики. Да, иногда я думаю, что я какой-нибудь «отверженный». Я сравниваю себя с бедолагой Рембо, с этим уличным певцом, вкусившим страданий и боли поболее моих, и мне от этого сравнения становится легче. У отверженных, изгнанных, обреченных, проклятых своя гордость. Отчуждение творчества от жизни. Экзистенциальная трагедия. Декаданс.

5

В столовой я продолжаю наблюдать за людьми: за веселыми, вечно смеющимися подростками, за школьниками и студентами, за стариками, с трудом сгибающимися колени, за озабоченными жизнью и сумками мамашами, за влюбленными, устроившими в Питер романтический тур. Как бы мне хотелось написать их портреты. Но я не художник, я могу напи-

сать лишь имена, которые, впрочем, тоже пользуются спросом.

Иногда я задаю себе вопрос, почему люди так хотят, чтобы их имена были написаны еще на каком-нибудь непонятном им языке доморощенным каллиграфом вроде меня?

Они все равно не знают букв и иероглифов, не умеют читать. Но они готовы платить деньги, чтобы получить свое имя на абракадабрском. Я думаю, это как с фотокарточками. Хочется запечатлеться еще в одном измерении. Еще в одной стране. Смотрите: я был в Барселоне или в Палермо. Я тоже здесь был. Смотрите: за моей спиной Миланский собор. А вот и Тадж-Махал. Какой смысл фотографироваться на фоне городов, которые тебе не по карману и в которых ты проездом? Или на фоне картин, которые написал не ты?

Наверное, в нас так проявляются жажда бытия или ген грамматики. Иначе откуда у людей такое уважение к написанному? А еще наше желание казаться, а не быть. Казаться чем-то большим, чем есть на самом деле. Пусть не большим, хотя бы загадочным.

Да и мы со Сфинксом, по сути, такие же. Показушники. В Столовой номер один мы заказываем почти одно и то же, чтобы не вылезти за рамки бюджета двести рублей. Но стоит рядом показаться симпатичной мордашке, как ослиный хвост пистолетом.

Я смотрю, как Сфинкс раскрывает пасть осла и закидывает в него большой бургер.

– Какие же мы с тобой все-таки ничтожества, – говорю я ему.

– Чего это? – перемалывает он челюстями бургер. Кажется, его ослиные зубы работают как жернова. Appetit у него отменный.

– Да вот просто пришло в голову, что мы ничтожества и что больше всего мы думаем о еде. Причем о такой паршивой еде, которую приличные люди не то что есть, даже думать о ней не могут. Иначе их тут же вырвет.

– Все люди думают о еде в той или иной мере. И бедные, и богатые.

– Вот. Потому что человек всего лишь биологическая машина, которой нужно топливо. И ее можно запрограммировать как угодно, внушить что угодно.

Я молчу, думая, что мы действительно биологический механизм, робот. И о том, что однажды, когда мы износимся, у нас для сохранения энергии отключатся сначала воспроизводительная функция, а потом и двигательная.

– Знаешь что? – Сфинкс приближается ко мне почти вплотную. – Я вот хожу по Питеру в обличье осла и иногда думаю, что я и есть осел. Даже повадки ослиные стал перенимать, смех там и все такое.

– А как же кентавр? – вопрошаю я. – Мы же решили, что ты – кентавр.

Однажды я подсунул Сфинксу «Кентавра» Апдайка. Книга, которую я купил в букинисте «Искатель». Знаковое для

меня место и слово. Я уже тогда ходил и чего-то искал. А рядом с «Искателем» было кафе «Вольф и Беранже», в которое заехал Пушкин, прежде чем отправиться на дуэль. Выпил, перекусил, а потом бац: пуля пробивает мочевого пузыря, моча попадает в кровь. Перитонит, заражение крови и адские боли. А если бы он не выпил тогда воды, был бы выше всего мирского...

– Да, решили, что кентавр, – соглашается Сфинкс. – Только, кроме нас, меня так никто не воспринимает. Не хотят слушать, что я говорю. А кентавр все же был учителем. Учителем! А я осел, и точка.

– Брось самоуничтожение, Сфинкс. Иногда ты носишь костюм льва, Сфинкс. Что за лев этот тигр!

– Вот потому, что меня никто не слушает и не воспринимает всерьез, я и ощущаю себя ничтожеством.

6

Она говорила мне: «Ты ничтожество, ты не потянешь отношения со мной и не вытянешь семью. Ты бестолковый и растрачиваешь свою жизнь зря. У тебя не хватит усидчивости, не хватит работоспособности. Ты потекаешь своим слабостям».

И потому я каждое утро встаю и спускаюсь в метро и работаю как одержимый. Я вывожу один и тот же иероглиф или один харф множество раз. Нахожу его в телефоне и перерри-

совываю, доводя до совершенства.

Так я тренируюсь. Неистовство охватывает меня. Я выбиваюсь из сил. Но я дал обет. Обет трудолюбия и усердия. И потому я пишу из последних сил на этих тонких бумажках.

Потом я пытаюсь сложить из букв твое имя, Мелисса. Если салфетки заканчиваются, я вывожу имя «Мелисса» на обрывках бесплатных газет, на рекламках, которые раздаются в переходах, на длинных чеках, которые нахожу у мусорки.

С обратной стороны чеки чистые. Рыба семга – 800 грамм. Рис Жасмин – 75 рублей. Крабовые палочки, щупальца каракатицы... И корявая подпись покупателя. Будто это они, каракатицы, писали здесь каракули, выплескивая свои чернила.

Половину из написанных мною имен и текстов я потом не могу разобрать сам, еще часть теряю или раздаю как милостыню торговкам семечками под кульки. Но я совершенствуюсь. Совершенствую свое мастерство каллиграфа.

Главное, каждый день работать. Алистер уверял, что если написать имя в совершенстве, то носитель этого имени обязательно предстанет перед тобой. Предстанет, даже если ему придется для этого восстать из мертвых.

В другой умной книжке было написано про правило десяти тысяч часов. Мол, чтобы стать профессионалом, нужно потратить такое количество времени. Нехитрым способом я посчитал, что это 10 лет работы по 10 часов в день. Но мне нужно быстрее.

Поэтому теперь я заставляю себя каждое утро вставать. Теперь я встаю, как другие, рано поутру и иду в метро. Я хочу быть вместе с другими людьми, я хочу быть такими же, потому что уже люблю их. Не так, как тебя, Мелисса, но все же люблю.

Пусть меня пока не берут на другую работу – кому нужен шалопай-бездельник, не добившийся в жизни толком ничего и нигде? – я все равно буду стараться. Буду пахать за себя и за того парня.

7

Когда мы были вместе, я не старался облегчить ее непростое существование. Я не дорожил ни ее временем, ни ею. Часто после ссор и скандалов я не обращал внимания на ее истерики и слезы, уходил из дома в спортзал. Или бродил по городу до утра, до первых зорь, пока Мелисса либо не забеспокоится, либо не успокоится.

Я не считал нужным работать над собой и зарабатывать достойные деньги. Я почти не работал, точнее, работал чуть-чуть, сначала в ЖЭКе, потом охранником в магазине. Сутки через трое, чтобы в остальное время пытаться дотянуться до нее, чтобы достичь ее уровня, чтобы иметь силы доставать ее после работы...

Думаю, подсознательно она считала меня эксплуататором и нахлебником. Потому что внешне я ничего не делал для

нас. Я не интересовался ее жизнью и ее проблемами. Все ее интересы были мне чужды. Но повторяю – это только внешне. Напоказ.

Внутренне я старался дотянуться до Мелиссы. Даже на работе охранником я старался читать книги, которые украдкой брал у нее. Да, я одновременно тянулся к Мелиссе и боялся копировать ее, боялся стать ее тенью-подражателем. Из гордости я боялся показать, как пристально слежу за ней, как сильно от нее завишу и в ней нуждаюсь.

«Если у нее изящное белое тело царицы, благородной дамы, – рассуждал я, – то я буду накачанным, как евнух-раб». А потому после работы я сутками пропадал в спортзале, тратя все время на развитие тела.

Что я о ней знал? То, что она училась в «кульке» где-то в Сибири, затем перевелась в магистратуру университета в Питере. Получила диплом искусствоведа и музейного работника, попутно какой-то грант, может быть, лицензию, и устроилась работать экскурсоводом в питерское экскурсионное бюро. Позже, чтобы иметь возможность писать диссертацию, в отдел первобытной культуры Эрмитажа младшим научным сотрудником. Попутно Мелисса нашла себе научного руководителя, связанного с Эрмитажем и историческим факультетом, поступила в аспирантуру Института истории.

Она была очень сильно увлечена Древним Востоком. Бредила им по ночам, писала статьи о Древнем Египте, готовила доклады для выступлений на конференциях и в каких-то

там египетских обществах. Она утверждала, что есть люди, выкачивающие нашу энергию. Что все люди связаны между собой энергетическими ниточками. Живые и мертвые тоже связаны. Бред, конечно, но интересно.

Я стал читать все научные сборники о Египте, которые были в доме. Я хотел говорить с ней на равных. Тогда же я узнал о своих двойниках Ка и Ба. Оказывается, у каждого из нас есть двойник. Ба или Ка. Когда-то она мне рассказала об этом.

– Бяка! – глумился я. – Бяка твоя египтология!

8

А еще она частенько говорила, что она Хатшепсут или, может быть, Нефертити, что она когда-то была женой фараона. А сейчас она реинкарнация единственной женщины-фараона Хатшепсут или Нефертити, считай богини. Что ей часто снятся подтверждающие это сны. Очень странная девушка. Все ее слова я воспринимал за бред. Да и ее саму поначалу воспринимал как некое наваждение, мираж. Точнее, недоразумение, загадку, ребус, который интересно было бы разгадать, выхватить из потока предсуществования, расшифровать как некое послание, заполнить как сканворд, а потом положить на полку к прочим прочитанным и понятным книгам.

Позже я проследил путь нашего сближения, вычислил,

что связало, спутало нас по рукам и ногам. Этот путь тянется по всем струнным, от виолончели в театре до арфы уличных музыкантов, он тянется серебряными нитями дождя, под который мы попали и который закутал нас в тонкий кокон уличной нежности, он соединил нас длиннотами итальянской паутинки, которую мы, проголодавшись, проглатывали в нашем любимом кафе «Голодная пасть и сытная пасть».

– Есть спагетти, а есть макароны «паутинка», – шепнула Мелисса, когда я разглядывал даже не название, а ценник блюд, которые официант посоветовал выбрать на первое. – В Италии паста считается первым, как у нас суп.

– Напервый-второй рассчитаись! – ухмыльнулся я, а сам подумал, что эта девочка еще научит меня разной ерунде, даст мне возможность вместе с ней вырасти до нового кулинарного уровня, забудет мне голову названиями всяких блюд из поваренной книги. От риса к ризотто. От макарон к пасте болоньезе, от вермишели к спагетти.

Я иронизировал, подливал в бокалы томатный сок, он же кровь сеньора Помидора, и красное вино, а сам думал о Маяковском, который в этом же самом кафе когда-то ответил Северянину: «Я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду».

Вечно мне в голову в самый неподходящий момент лезет всякая пошлость и ерунда. Да такая, что я не удерживаюсь и тут же утыкаюсь носом в меню, чтобы посмотреть, есть ли

у них ананасовый сок.

Но странное дело, стоило нам не встретиться пару раз и не поболтать, как я понимал, что мне ее не хватает, энергетически не хватает. Что она меня зацепила. Проткнула и поддела, как спагетти вилкой. Хотя с чего бы это? Ведь она так сладострастно облизывалась и так жадно смотрела вовсе не в мою сторону, а на фетучини.

Глава 1

Крыша подвала

1

А теперь я хочу сказать самое главное. Я сижу в метро и собираю подаяние только потому, что хочу вернуть Мелиссу, имя которой звучит как милостыня. Что-то среднее между милостыней и мелочью. Не надо никого обманывать, мне дают не потому, что я хорошо играю или хорошо вывожу буквы, а потому что жалеют.

Когда Мелисса уходила, я был слишком горд, чтобы броситься за ней. Она собиралась покинуть меня насовсем, и я это чувствовал, понимал, но моя гордость не позволяла мне сделать несколько шагов вслед за ней. Мне не хватило сил протянуть руку, сказать пару ласковых слов.

– И ты позволишь мне вот так уйти? – спросила она, давая мне последнюю надежду. Целое чертово окно возможностей.

Я молчал.

– И ты не боишься за меня? – намекнула она на угрожающую ей опасность.

Я опять промолчал. Тогда промолчал. А теперь я хочу высказаться. Даже выкричаться.

Теперь я хочу расправиться со своей гордостью, растоптать, разорвать в пух и прах.

Человек начинается с желания и способности умереть за другого, хороший человек начинается с умения просить и прощать. Я сижу здесь в переходе, как последний пьяница, бомж и нищий, чтобы растоптать то чувство гордости, которое столкнуло меня с небес нашей любви на землю. Ибо ключ к возврату любви в сердце лежит лишь через милость и милосердие.

Что с ней стало? Может быть, она уехала в Египет, где вышла замуж за копта. Я пошел за ней в Эрмитаж, но мне сказали, что она уволилась. «Не сработалась с начальством», – шепнула смотрительница по большому секрету, ибо им строго-настрого было запрещено говорить кому-либо об этом конфликте и вообще высказываться по поводу Мелиссы.

Старенькая бабушка, потрепанная и облезлая, как здешние коты, пропахшая нафталином, почему-то проявила ко мне благосклонность. Видимо, потому, что «начальник присваивал все Мелиссины мысли и идеи». А потом, «чтобы изжить Мелиссу из музея и со света, ее и вовсе обвинили в каком-то страшном преступлении», «в воровстве загадочных папирусных манускриптов и каких-то ценных артефактов. Говорят, Ларца!», «слухами земля полнится».

– У нас ведь как, – доверительно шепнула она, – если тема принадлежит руководителю, пока тот не напишет о ней свои труды, все работают на него как проклятые, как рабы

на строительстве пирамид. Я вот до сих пор поэтому кандидатскую не защитила.

– Странно это, – не соглашался я. – Я хорошо знаком с Мелиссой. Что-что, а украсть из музея, с ее трепетом и преклонением перед культурой, она не могла.

– Не знаю, не знаю, – нервно трясла головой старуха, – но вам лучше уходить. Вам, может быть, ничто не угрожает, если вы честны, – подмигнула бабуся. – Но меня могут и в сообщники записать.

2

И все. Никакой больше информации. Ни адреса, ни телефона. Страница Мелиссы заблокирована, телефон отключен. С ней никак больше нельзя было связаться. Чернота, пустота, забвение, одиночество.

Последнее, что она мне дала, были слова. Точнее, несколько слов «Последней поэмы», намотанных на магнитную ленту и оставленных в кассетнике: «Ты погляди, не осталось ли что-нибудь после меня». Это была забытая в магнитофоне песня на стихи Рабиндраната Тагора. Длинное имя, которое я потом пытался расшифровать, как и все, связанное с Мелиссой.

Сколько же загадок она мне оставила? Например, длинное прощальное письмо, которое я вновь и вновь переслушивал, отматывая обратно магнитную ленту карандашом, по-

тому что кнопка перемотки на магнитофоне сломалась:

*Если увидеть пытаешься издали,
Не разглядишь меня, не разглядишь меня, друг мой,
прощай!*

Что увидеть? Кругом сплошные загадки. Розеттский камень. Нельзя, что ли, было оставить хоть какой-нибудь ключ, а не химический карандаш в тумбочке, которым мне вновь и вновь приходится перематывать пленку на кассете.

*Ты погляди, ты погляди, не осталось ли что-нибудь
после меня.*

Полночь забвенья на поздней окраине жизни твоей.

Я оглядываюсь: за окном действительно полночь, а на столе все еще лежат таблетки от бессонницы и депрессии, у кровати – тапочки, на подошвах которых написана очень смешная фраза, в ванной – мочалки. Я покупал на Сенном рынке две – лазоревую и салатовую. Два моих любимых цвета. Предложил ей выбрать. Может, она выбрала салатовую. Теперь у меня почему-то появилось желание выяснить. Я мылся все той же – лазоревой с оранжевой каймой, представляя, что я в Александрии. Береговая линия тридцать два километра. Пляжи, кафетерии, зонтики от солнца. Мочалка была длинной и пушистой, в нее можно было закутаться, как в махровое полотенце.

*Знаю, когда-нибудь с дальнего берега, с давнего прошлого
Ветер весенний ночной принесет тебе вздох от меня.*

Я ложусь на кровать, вдыхаю запах тела и волос на подушках и простынях, который с каждым часом, с каждой минутой, выветриваясь, становился все слабее. Словно вздох с другого берега.

Не вытерпев одиночества, я бросаюсь в ванную и вдыхаю аромат мочалки. Она пахнет ее мылом. Зарываюсь ноздрями в треугольнички жесткого ворса, который мог впитать пот из ее пор, внюхиваюсь в обломки-обмылки, которые остались томиться в мыльницах, словно куски мачт в утлых лодочках.

*Это не сон, это не сон,
Это вся правда моя, это истина.*

Какой уж тут сон. Она сварила это мыло сама, каким-то историческим способом, попутно рассказывая, что в древних египетских папирусах есть рецепты производства мыла, мол, животные и растительные жиры следовало нагревать и смешивать вместе с щелочными солями с берегов Нила и ароматными маслами с берегов Евфрата.

Мелисса частенько экспериментировала на кухне. В домашних условиях варила мыло и шоколад, делала свечи и фигурки. Некоторые остались в кухонном шкафчике.

*Ветер ли старое имя развеял,
Нет мне дороги в мой брошенный край.*

Почему ей нет дороги назад? Чего она так боялась? Чего опасалась? Видно было, что Мелисса собиралась быстро и в спешке не взяла много вещей: хромированные ложки, ситечко от бабушки, фамильная брошь и прочие украшения-безделушки. В шкафу остались брошенными множество ее теплых зимних вещей: сапоги, дубленка с меховым воротником, шерстяной пуловер, длинный мягкий шарф...

*Вспыхнет ли, примет ли облик безвестного
Образа, будто случайного,
Примет ли облик безвестного образа,
Будто случайного.*

Иногда я открывал шкаф и смотрел на эту ее дубленку на вешалке в сумерках, словно на силуэт человека в дверном проеме...

Это было невыносимо. Я снова зарывался в запах, как пес, желающий взять след, нырял в память, скрывался с головой в воспоминаниях. В воспоминание, в котором мне три года и мать вдруг берет и уезжает к родне, не предупредив нас с братом, и я ношусь по комнате с криком. А за окном тучи норовят спрятать от меня луну.

Я думал о другом Ниле, о Ниле Невского, который однажды уносил ее тело все дальше от меня вниз по течению. Уносил безвозвратно прочь, как труп покойницы, труп утопленницы с картин прерафаэлитов, которых она так обожала.

*Я уплываю, и время несет меня с края на край,
С берега к берегу, с отмели к отмели... друг мой, прощай.*

Из ванной я возвращаюсь в комнату и с разбегу кидаюсь на постель. Матрас раскачивается под моим телом, словно лодка. Подушка захлестывает меня тяжелой волной, одеяло, словно водоросли, спутывает ноги и руки, когда я в бешенстве и бессилии перекатываюсь по простыням, которые пахнут теперь уже не столько остатками запахов Мелиссы, сколько уже какой-то влажной тиной.

Жива ли Мелисса? Что с ней стало? Может, ее убил бывший дружок, а тело пустил по течению на корм рыбам?

*Смерть побеждающий вечный закон —
Это любовь моя. Это любовь моя.*

Почему Мелисса не отвечает ни на одно из моих длинных и проникновенных писем? Почему удалила себя из сетей и поменяла все телефоны? Почему не оставила мне хотя бы

зацепку? Хотя какую-нибудь связующую нас нить?

Не может быть Мелисса со мной такой жестокой. Она бы обязательно откликнулась. Дала бы о себе знать.

Это любовь моя. Это любовь моя.

Это любовь моя. Это любовь моя.

Может быть, Мелисса не так и сердится на меня? Может, она выключила все телефоны и удалила все аккаунты, чтобы полиция не могла взять ее след? Вдруг она действительно что-то украла? Может, она не связалась со мной и не позвонила, потому что боится, что полиция придет ко мне и найдет здесь что-нибудь важное? Я хватаюсь за эту мысль, как утопающий за соломинку, через которую она тянула самодельные коктейли.

Но что? Книжки? Посуду? Эти соломинки да бумажные зонтики?

Я вскакиваю, хватаю с полки первую попавшуюся толстую книгу и распакиваю ее. На старинной гравюре изображено чудовище с песьей головой, за которым лунной походкой, ладони вперед от бедра, ноги не сгибаются в коленях, ступни не отрываются от пола, идут какие-то чуваки. Хотя наверняка эти чуваки – фараоны. И над всеми ними катится-ползет диск луны.

«Надо бы еще раз сходить в Эрмитаж», – эта мысль помогает мне немного успокоиться и провалиться в сон.

А по ночам мне часто снится, как я вскакиваю и бегу ее искать. Почти каждую ночь встаю и выхожу за ней на улицу в темноту. Я, наверное, действую как песьеголовый безумец или безбашенный наркоман в поисках очередной дозы. В надежде на закладки под окнами домов: мозаичный дворик на Чайковского, чугунно-механические ветки в Сангальском саду, кафельный туалет в баре «Саквояж шпионки», нос майора Ковалева во дворах университета. Милые мелочи и достопримечательности, в которые так важно сунуть уже свой нос. «Импрессион – главное в жизни», – по словам Мелиссы. Порой мне просто необходимо вдохнуть через ноздри бензиновый кумар, выпить «закатный» коктейль или уколиться о горящий безумием взгляд бредущего навстречу старика.

Я должен хоть что-то получить внутривенно, хоть какие-то новые впечатления, чтобы снять охватывающую меня боль и ломку по Мелиссе. Мне так тоскливо и одиноко, что я жажду воткнуть в себя иглу одного из шпилей, будто они – поднятые доктором шприцы над горизонтальным телом больной старухи или чахоточного юноши. Этот город в белые ночи и вправду походит на бледное тело умирающего, протянувшего ноги проспектов и руки улиц. На тело зарубленной топором старухи-процентщицы или ее беременной

сестры Лисаветы. «Расчленишь и выкинуть в реку нахер», – как порой говорит Радий.

В поисках подобных утешений вялой, мотающейся наркоманской походкой я брожу по городу, куда подскажет мне сердце. Я вглядываюсь в облик каждой мелькнувшей на горизонте девушки. Некоторые образы на миг внушают доверие и надежду, и тогда боль отпускает меня, и я чувствую прилив счастья.

Со стороны я похож на тех странных типов, от которых встречные люди шарахаются в ужасе. Я порой прячусь в круглосуточных массажных салонах, притаившихся в полуподвалах за массивными железными дверьми. Как Орфей, я спускаюсь к Эвридике, когда мальчик-зазывала протягивает мне рекламу стриптиз-клуба «Трибунал», ночного бара «Сайгон» или интим-салона «Бангкок». Массаж воротничковой или какой-нибудь еще зоны еще никому не повредил.

А потом можно засесть до самого утра в караоке-баре или ночном клубе. На дискотеках у диджея, если есть такая возможность, и в караоке я то и дело заказываю песню Ирины Отиевой. Песню, в которой она обещала возвращаться в случайных образах и обликах:

*Ты погляди без отчаянья, ты погляди без отчаянья...
Вспыхнет ли, примет ли облик безвестного образа,
будто случайного...
Примет ли облик безвестного образа, будто
случайного...*

*Это не сон, это не сон, это вся правда моя, это истина.
Смерть побеждающий вечный закон – это любовь моя.*

Так сплю я или нет?

5

Впрочем, бывают и другие сны, в которых я по-настоящему счастлив. Бывает, приснится, что мы снова вместе с Мелиссой, и она даже знакомит меня со своей мамой и своей сестрой, вводит в семейный круг, а это значит, что скоро возможны свадьба и счастье.

И тогда я бегу прочь из ночных клубов, бегу прочь, вспоминая, как мы бежали к этнографическому музею, как она брякалась на колени у картин Пикассо или Писсаро в Эрмитаже, где все пространство разобрано на клетки и точки, на мельчайшие частицы... Как мы, запрокинув головы, смотрели на светящиеся в лучах кинопроектора пылинки, словно в планетарии за хаотичным движением больших и малых планет. Мы специально на некоторых фильмах не глядели на экран, а искали смыслы в каких-то второстепенных вещах, а если говорить честно – друг в друге.

– Ты только допусти, – пыталась убедить меня Мелисса, – что мое «я» – всего лишь пылинка, однодневная моль в океане распада. Так стоит ли ревновать и мучить себя из-за такой мелочи? Стоит ли тешить эго властью надо мной? За-

мать, ложное эго, потому что над всем властны лишь звезды и только им все подчиняется. И если нам суждено быть вместе, то мы непременно будем, а если нет, то не обессудь...

– Постой, ты только что назвала себя молью? И ты хочешь, чтоб я воспринимал твои слова всерьез?

Я слушал Мелиссу и улыбался, думая, что она такими высокопарными фразами набивает себе цену, пускает пыль в глаза, надувает щеки. Я вспомнил, как мы хохотали всю ночь, потому что она смешно надувала щеки и живот, изображая бегемотика, который проглотил арбуз. Я гладил ее живот и целовал ее раздутые, как у бегемотика, щеки и ноздри.

Сам же я пытался разглядеть в пылинках нечто вроде Млечного пути, с его звездами и галактиками, идущими завихрениями от точки взрыва и света – кинопроектора – до большого экрана, на котором в этот момент показывали фильм о давно исчезнувших цивилизациях. Что-то опять про Древний Египет. И Барбара Брыльска, та белобрысая снегурочка, с которой мы встречали каждый Новый год, бросалась навстречу фараону своим жарким и очень смуглым телом. Темными сосками под прозрачной туникой...

Нет, так больше не может продолжаться! Должно же остаться после нее что-то, кроме этих едва уловимых запахов и нескольких фраз! Не могла она просто так уйти? Исчезнуть из моей жизни навсегда? Взять и разрушить все моментальным решением. Умереть, кануть в небытие.

Для хозяйки квартиры, она же начальница ЖЭКа, которой я задолжал приличную сумму денег за коммуналку, я делаю вид, что устроился в контору. Я даже прикупил кожаный портфельчик в секунд-хенде. Этот атрибут успешной жизни я сдаю в круглосуточно работающий гипермаркет. Запираю в ящичек для сумок и пакетов. Вечером я портфель забираю и иду в дешевую забегаловку. Хозяйка, у которой я приобрел квартиру по социальному найму, видит, что я куда-то хожу, и думает, что деньги скоро будут. Так же думает и мой сосед по лестничной клетке. Он работает в булочной пекарем, поэтому встает раньше всех. Другой мой сосед, сожитель первого соседа, устроился подрабатывать, на мое место, дворником. На самом деле он студент-актер, но много ли заработаешь на лицедействе?

И вот мы собираемся на работу вместе: перемалываем кофейные зерна в кофемолке, варим кофе, моем шею и лица мыльной пеной. Только чтобы одинаково взбодриться кофеином и отразиться в одинаковом кафеле. Я слышу, как скрипит за стенкой кровать, кофемолка или шея. Глядя в замызганное и заплыванное зубной пастой маленькое зеркальце в ванной, я представляю, как там за тонкой стенкой и зеркалом лицом ко мне и с щеткой в зубах стоит мой сосед. Чистит зубы, а потом и обувь, которая скоро покроется пылью и му-

кой – читай, трухой человеческих усилий. Иногда, по весне, он даже натирает ботинки гуталином. Я чувствую этот запах на лестнице.

Мы выходим на улицу, когда почти никого нет, когда еще не слышны звуки заводских гудков. И лишь ветер от первых поездов разносит запах сырости и метрополитеновской пыли.

Вечером иногда встречаемся на общей лестничной площадке. Уставшие и недовольные. Или, наоборот, довольные. Перекидываемся парой слов и расходимся по квартирам, в которых они жуют свой ужин и смотрят телевизор, а я пью чай с мелиссой. Затем, обессиленный, ложусь спать под музыку, но долго не могу заснуть. Все ворочаюсь и думаю о Мелиссе.

7

Чтобы встретить Мелиссу и как-то жить, я отправился работать в метро. Ныряю туда, где полно людей и воняет сса-нем. Поймите меня правильно, в четырех стенах я просто задыхаюсь. Не могу находиться наедине с собой. Постоянно думаю о ней. Каждый предмет, каждый звук, например стук каблучков в гулком подъезде, напоминает мне о Мелиссе.

Сначала я ходил в метро, чтобы отвлечься. Но постепенно я понял, что в таком потоке мыслей и людей можно и зарабатывать: писать или заниматься любимым делом. Например,

петь о своей любви, кинув шапку наземь. Потом один умный человек, Алистер, предложил заняться каллиграфией. И вот они, потекли денежки.

Впрочем, я не всегда в поисках Мелиссы ныряю в преисподнюю. Иногда я залезаю на крыши или на колоннаду Исаакиевского и смотрю на город сверху: на шпили башен, на купола соборов, на иглу Петропавловки. На разбросанные мозаикой огни. В дни звездопада ночной город блефует и бликует, прежде чем распасться на огненные пятна, раствориться в утренней дымке.

Подо мною с одной стороны дворец-усадаба, в который Толстой привел Наташу Ростову на ее первый бал, с другой – раздробленные бары Думской, в которых танцуют, дожидаясь открытия метро, юные и уже потасканные современные шестнадцатилетние Наташи.

В половине шестого утра метро раскрывает пасти входов, чтобы проглотить в свою утробу бледных измученных гуляк и повес. Метро – вампир, оно впитывает энергию своих обитателей и живет за счет этой энергии. Тепловой и психической. Ему важно раскачать сознание и психику.

А я на крыше, над Невским, на не остывших за ночь листах железа пишу иероглифы водой из бутылки-дочки. На крыше я успокаиваюсь. Вот-вот сверкнет флюгер в снопах света, опять появится солнечный журавль, и вместе с солнцем силы на новый день, на новые поиски Мелиссы.

Новые поиски по старым местам. Бег по кругу. От бессилия я отправился снова в музей. Раньше я ходил в Эрмитаж, чтобы посмотреть картины. Прочитаешь в книге про малых голландцев, про какую-нибудь сережку или брошку или воблу с картошкой и снова идешь разглядывать бытовую сцену. Силки для птиц, прорубь для людей. Но сейчас мне было необходимо пристально рассмотреть сцену с Мелиссой. Что же там с ней все-таки случилось, что пропало из музея?

Я снова спрашивал бабушек-смотрительниц и даже набрался смелости поговорить с охранником.

– У нас есть начальство, вот к нему и обращайтесь с вопросами, – реагирует одна старушка, которая видела нас с Мелиссой.

Другая же, сердобольная, мягкотелая, рыхлая и древняя, как диван-шляфбанк Пушкина, поведала, что готовилась какая-то выставка египетских артефактов, вывезенных после Второй мировой войны нашими войсками из берлинского музея. С последующей передачей немецкой стороне.

– С передачей?

Оказалось, такие передачи были уже и раньше. Так, в берлинский музей уже возвратилась голова Нефертити. А готовящуюся выставку спонсировал «Газпром». Это был акт доброй воли для налаживания отношений в период строитель-

ства газопровода «Северный поток – 2» и начавшихся санкций.

Мелиссу, как практиканта-аспиранта и младшего научного сотрудника, посадили делать описи артефактов и готовить выставку. И вот в какой-то момент Мелисса пропала. А вместе с ней якобы пропала и личная шкатулка-ларец для украшений одной знатной дамы. Хотя, возможно, это был ларец фараона-женщины.

– Мелисса забрала ее, потому что решила, что шкатулка принадлежит ей, – сразу восклицаю я. – Она считает себя реинкарнацией Нефертити, а значит, законной наследницей всех ее личных вещей.

– Я тоже себя считаю наследницей Екатерины Великой, – смеется старушка, – хожу в Эрмитаж как домой уже тридцать лет. Все здесь, считай, мое!

– Шкатулка была с предметами? С украшениями?

– Может быть, и с украшениями, а может, и простая пудреница с зеркалом. С щипчиками для волос, с сурьмой там какой-нибудь... или белилами и румянами.

Ха, вполне может статься. Зная Мелиссу, ее одержимость Египтом и своими фантазиями, зная ее упертость и ревнивость, а также перфекционизм и внимание к своей внешности, такого исключать было нельзя.

– Только никому не говорите. Нам строго приказано держать язык за зубами до начала экспозиции. Не дай бог прессы узнает. Тут бед не оберешься... Политика замешана!

– Ок, – обещаю я, зная, что меня не остановить. Я буду копать и копать, как копает сугробы мой сосед, а если понадобится, ходить из бара в бар, спрашивая о Мелиссе у первых попавшихся встречных.

Глава 2

Данаи

1

Здесь, пожалуй, пришел черед рассказать о первом этапе моей любви, когда, привлеченный плоским картонным изображением девушки-танцовщицы, я подошел к дверям бара «Трибунал», из которых так и несло вселенским загулом. Гул в ушах, гул проспекта, гул беснующейся толпы, гул подземки, гул в наушниках, будто ты заперт в бочке, выброшенной в море, или в ларце с прочным замком.

Непрестанное сплошное эхо: тысячи голосов, крики с улицы, не то шепот, не то клекот, который получается, если приставить стакан к стене кромкой, а дном к уху. Абракадабра непонятно как оказавшихся за твоим столиком людей. Кто они, что им нужно, что пытаются втолковать тебе сквозь туман, почему пытаются заговорить именно с тобой?

До какой сути моей внутренней бездны стараются докопаться?

Что им промычать в ответ, что сказать, прежде чем пучина времени и событий поглотит их и меня окончательно? Белый накачанный бык несет через зал на своей спине краса-

вицу, похищенную с барной стойки. Игровые автоматы проливаются золотым дождем. Пять коров в ряд – и слышится звон монет.

– Вот выиграю, – говорит забулдыга, – и поеду с телкой в Европу.

– Ты не выиграешь.

– Почему?

Ответ очевиден. В баре «Пьяный койот» телки танцуют прямо на барной стойке. У одной из девушек на тончайшей коже плеча татуировка. С китайского этот иероглиф переводится «Я шлюха». Так над ней прикололись в Китае, где она прошлым летом подрабатывала моделью.

– Девушка, вы знаете, что написано у вас на плече?

– Нет.

– Тогда лучше сотрите.

– Почему? – приближает губы к моему уху.

Мне хочется поцеловать их. Схватить и написать на гладкой поверхности ее тела новые иероглифы любви. А старый кусок кожи выдрать.

2

Текильщица, кружащая от посетителя к посетителю, предлагает мне выпить прямо с ее гладкого живота. Она вооружена ковбойскими шляпой, сапогами, кожаным поясом и патронташем стопок. Дерзкий взгляд, как дуплетом в упор.

Бутылка крепкого алкоголя в кобуре.

– С кожи, текилу?

– И соль с лаймом. – Зеленые глаза сверкают из-под полы шляпы.

– Это как писать иероглифы водой на земле.

– Так будете пить? – не понимает молодая нимфа.

Вопросы и ответы, которые совершенно не важны в масштабах не то что вселенной, а даже одного Невского проспекта, с его Российской национальной библиотекой, на полках которой пылятся «Диалоги» Платона и «Поэтика» Аристотеля. Так ради чего мы вообще открываем рот и перекидываемся мнениями с этим важным господином, который подсел ко мне и подливает из бутылки вино? Пей молча, дружище. Твои слова ровным счетом ничего не значат.

– Любовь и ненависть две стороны монетки, – рассказывает кто-то про свою девчонку. – Была у нас какая-то любовь, а теперь монетка упала другой стороной, и любовь превратилась в ненависть. Что-то пойдет не так, и все... Понимаешь?

– Любовь относительна, – отвечаю банальностью на банальность, – но это самая интенсивная из переживаемых эмоций. Обычно тех, кого мы любим, мы и ненавидим. В отличие от посторонних прохожих на улице... Вот на тебя и твои истории мне абсолютно наплевать... Понимаешь?

Сумма общих знаний. Многие, не только мы с тобой, лишь перебирают знаки или наборы устоявшихся символов, как кусочки пазла или костяшки домино. Повторяют их за

другими, лишь бы не молчать.

– Мне на тебя в общем-то тоже с высокой колокольни, приятель...

Даже шутки и ругательства здесь клише. Набор пошлостей, которые не принадлежат тебе и легко перетекут из твоей сумы в суму другую. Тут редко услышишь что-то по-настоящему оригинальное и ценное.

– Ну же, дружище, докажи мне, что ты не запрограммированный биоробот, – подзываю я к столику поющего одиночку в караоке, чтобы спеть что-нибудь вместе.

– Тебе нравится «The End»? Обожаю Джимми Моррисона. «This is the end, beautiful friend, – напевая, предлагает песню мой случайный знакомый. – This is the end, my only friend. The end of our elaborate plans».

«Это конец, – думаю я. – Люди с их репликами дескретны, как какая-нибудь старая затасканная компьютерная дискетка, которую можно фрагментировать, разбить на сектора и очистить. Стереть и тут же записать на них любую новую информацию».

– Помолчи. Пей молча, дружище. – Я встаю и направляюсь к дверям, чтобы поменять пластинку. – Пей и не надейся тут что-нибудь выиграть или кого-нибудь удивить.

Если докопаться до дна, ты – всего лишь пустая бутылка, пустая посуда. «Пустой, как пакет из ЦУМа», – говорят в таких случаях.

Точно! Каждый человек, особенно женщина, похожи на бутылку. На аутентичную посудину из глины с каким-то посланием. С посланием от Бога в море накатывающих волн. Всего несколько слов или фраз, отправленных тебе в пучине жизни. Вложенных чьей-то рукой и предназначенных, может быть, и не для тебя. Но сказали их по инерции тебе.

Говорят, это судьба. Думаю, вряд ли. Хотя, конечно, судьба, но не такая важная. Потому что это послание еще надо расшифровать, как критские надписи на глиняных табличках. Линейное письмо А, линейное письмо Б...

Человек линеен, история линейна, время линейно, его не остановить. Но хочется ставить зазубрины, некие черточки, отметины на этой линейке, подводить итоги, подчеркивать, отмечать важные этапы и периоды.

Сейчас я не помню, не знаю, как почувствовал важность тех дней. Не помню, потому что был слегка не в себе, был ужасно пьян и сам не ведал, что творил, что слушал и что говорил. Помню только гул прилива, который снова и снова звал меня в плаванье на улицу, в порт, а потом гул отлива, выталкивающего меня назад в квартиру на отмель дивана.

«А что, если, – думал я тогда, – что, если из нескольких миллиардов пустых глиняных посудин только у одного внутри послание? У избранного Богом. Вот он берет одного из

людей, как бутылку в баре, выпивает до дна, выжимает все соки, а потом запикивает в него послание для других людей. Так появляются пророки или поэты. Три типа безумия, по Платону: пророческое, поэтическое и молитвенное...»

Эта мысль тогда забавляла меня, и я вглядывался в глаза идущих мне навстречу людей, – то в мутные и грязные, то в кристально чистые, голубые, – чтобы понять, есть ли в них послание для меня.

4

Я перебирал людей, особенно женщин, как бутылки. Не помню, сколько их было, как не помню, каким образом и в какой день недели я забрался в этот бар. Как я очутился в этом подвале. И танцевальный, весь в красных огнях, зал, и красные пьяные рожи бандитов, и раскрасневшиеся женщины с кричащим макияжем – все напоминало преисподнюю в ее бессмысленном мельтешении. В развратных телодвижениях. В агонии пресыщения.

А этажом выше, я знал это точно, светлое уютное кафе с огромными витражами и приятной музыкой.

Я хотел зайти туда, посидеть в тихой спокойной обстановке. Но меня не пропустили. Грубо остановил резким движением руки, словно шлагбаумом, толстый, как будка, охранник:

– У вас есть приглашение?

– У меня есть деньги.

– У нас приватная вечеринка.

– Мне б только кофе глотнуть, – пытался протиснуться я между охранником и дверью.

Но охранник вновь остановил меня, задев шлагбаумом руки по плечу.

– Спецзаказ. Свадьба, – подтолкнул плечом в грудь, не убирая шлагбаум руки.

Я решил сказать, что я жених, но в последний момент передумал паясничать. Я и так слишком много паясничал в жизни. Арлекин, трубадур, скальд, поющий где придется. Готовый музыкант, бери и выпускай на сцену.

– Можете выпить кофе в баре внизу, – сжалился надо мной охранник.

«Что же, в ад так в ад! – решил я тогда. – Рано или поздно за все мои грехи это должно было случиться». Бар «Трибунал» – разве может быть место лучше для самобичевания, для самоедства и наказания. Тем более денег хватит ровно на то, чтобы взять какой-нибудь китайский кофе или кислотный коктейль, который будет разъедать меня изнутри.

В глубине души я даже был рад такому стечению обстоятельств, я даже хотел попасть именно в преисподнюю, чтобы помучить себя. Да еще взять на себя какой-нибудь левый грешок. Да что уж там – приватизировать все грехи мира, раз такой неудачник.

Впрочем, выглядел я, наверное, еще вполне сносно. Некоторые даже принимали меня за солидного и платежеспособного, предлагали меню и виски с содовой.

Не успел я войти, как девушки, сидевшие на диванчиках, повскакивали и зааплодировали. Некоторые залезли на тумбы и начали танцевать. Гоу-гоу. Они подергивались на тумбах, выворачивали ногами. Изгибались телами, словно старались сменить положение, но только не плавно и медленно, а быстро, хотя все с той же грацией.

Время от времени они меняли тумбы вокруг меня. Точнее, менялись местами сами. Слишком кукольные, слишком манекенные движения для плоти, которую можно потрогать, протянув руку.

Я был чуть ли не первым клиентом, но потом народ начал подваливать. Официант принес меню, потом несколько раз подходил принять заказ, и от этого мельтешения людей и букв, посланий и чуваков, которые старались перекричать музыку, у меня закружилась голова.

Чтобы не вырубиться и не свалиться под стол, я стал громче всех улюлюкать в адрес стриптизерш, выкрикивая цитаты из Гадамера, Деридда и Бланшо. Цитаты, включавшие в себя плохие слова, вроде «экзистенция» и «дискурс».

«Дискурс», – кричал я. Девушки или их менеджеры, види-

мо, приняли мои слова за сигнал, что я уже достаточно опьянел. И потому, не успел я моргнуть глазом, как две полуголые девицы разлеглись от меня справа и слева в позах Данай из Эрмитажа. Они, подогнув колени, облокотились мне на плечи, обвивая за шею, наглаживая мои ляжки, словно собираясь высечь из джинсов искру, как Бродский.

Решив, что мне нужно плотское, земное, они так и льнули своими податливыми телами. Ведь все мы, люди, созданы из глины. Теплой и податливой.

И как низменное и самое развратное существо, глядя на изгаляющихся голых девиц, думал я в тот момент о картинках из Эрмитажа. Даже не о «Данае», а о разнице между голым и обнаженным. А точнее, о сексуальном маньяке, который эту разницу может принять на свой счет. Я тогда еще не думал о тебе. Я не знал тебя.

6

Наверное, я совсем чокнутый или юродивый, если даже в ночном клубе среди полуголых девиц думаю о картинах с изображениями дам эпохи Ренессанса. Но накануне я как раз был в Эрмитаже, и мне на глаза сначала попала «Даная» Тициана, а потом и «Даная» Рембрандта.

В первом случае Даная была вся такая холеная, выставившая свои прелести напоказ, на продажу. Ну прямо как девицы в этом баре, уверенные в могуществе своих телес, убеж-

денные, что соответствуют неким все поражающим стандартам красоты.

– Ну что, будешь брать в приват такую сексапильность? – с дерзким вызовом во взгляде вопрошали они.

Я ощущал, как они меня презирают, эти девицы-стриптизерши. Столько в них было надменности, столько высокомерия, пока они так отстраненно и постановочно жуют жвачку.

– А можно вас снять на часик-другой?

– Снять нельзя. Мы не какие-нибудь дешевые шлюхи.

Призыв перламутрово-розового тела контрастирует с холодным тоном стен и портьер.

– А кто вы? – Я пытался разобраться, почему на их фоне чувствую себя полным дном.

– Мы достойные девушки. И дорогие. Нас можно лишь выкупить у заведения на всю ночь. Но это дорого.

– И что мы будем делать всю ночь?

– Любить друг друга, – застают меня врасплох девушки.

– Любить? Я не ослышался?

– Да, – шепчут сладострастно на ухо, – любовь самая сладкая из эмоций.

7

Даная Рембрандта растеряна, словно ее застали врасплох. Она смущается, чувствуя свою незащищенность и уязвимость. Даная Рембрандта не уверена в своей красоте, а ско-

рее, наоборот, стесняется своего тела. Создается ощущение, что ты стал случайным свидетелем происходящего. Но откуда же льется этот заставший ее врасплох и подчеркивающий недостатки уже не юного тела золотой свет? Откуда он появился в запертой темной каморке башни, теплый, мягкий и проникающий в самую душу?

Я огляделся. Понятно: поменяли цветомузыку.

– Ну так что? – словно извиняясь, вкрадчиво присела ко мне третья, чересчур крупная девица, с большим матовым телом. – Может, все же приват-танец?

Модели на тумбах по-прежнему привлекали мое внимание, вытворяя все, лишь бы я уже сжалился и начал пихать купюры им в трусы.

– А вас там, в приват-комнате, трогать можно?

– Можно, но осторожно, – ласково улыбнулась девица, – и не всем, а только избранным.

О! Кажется, она назвала меня избранным. Это уже совсем другой маркетинговый подход к клиенту.

– А вы догола обнажаетесь?

– Догола, – рассмеялась девица мне в лицо.

Кажется, в этот миг я возблагодарил бога, что даровал мне такое гнойное греховное существование. Снова и снова подтверждая, насколько я низменное существо.

Даная Тициана – обнаженная. А Даная Рембрандта – нагая или, лучше даже, голая. Голая или нагая и потому естественная и желанная. Это драма наготы. Одежды нет не толь-

ко на теле. Мы видим и душу. Это не модель, привыкшая к публичному обнажению и вниманию, это самая обычная девушка, случайно застигнутая врасплох.

Глава 3

Бар «Трибунал»

1

Оказавшись в маленькой приват-комнате, я сую в трусы девицам купюры, хотя мог бы плеснуть на их красивые тела кислоту. Так сделал какой-то сумасшедший с картиной Рембрандта. Здесь не кислота. Здесь текила. Соль и лайм.

Там, в ночном клубе «Трибунал», я впервые и увидел ее, Мелиссу. Да, я увидел тебя. В белом подвенечном платье ты спустилась, поддерживая рукой фату, словно подбитый летчик на одном крыле. Спустилась в самое пекло ночного клуба по прикрепленной, казалось, к небесам винтовой лестнице и сразу напомнила мне ангела-пилота, падшего к пилону. А потом то ли обувь была тесна, то ли воротник душил... меня охватило сильное волнение.

И я подумал: вот она, апогея разврата, как сказали бы в интим-салоне «Розовая пони». Сейчас она, девушка моей мечты, изобразит самый соблазнительный стриптиз. И уже начал шарить по карманам в поисках мятых купюр, чтобы быть первым рядом с ней, этим олицетворением невинности.

И, словно чувствуя мою готовность отдать последнее,

невеста направилась напрямиком к моему столику. И я вблизи увидел заплаканное, с подтеками туши, нежное лицо, видимо, ее обидел клиент, с которым она провела час в приват-комнате, а может, хозяин заведения, он же – ее сутенер.

– Садись сюда, – сделал я призывный жест ладонью, хлопая по кожаному диванчику и сам не поверив, неужели этот ангел сейчас заговорит со мной.

Она села и тут же будто перестала обращать на меня внимание. Я предложил ей выпить, она отказалась. Я спросил, как ее зовут, она ответила, что это не важно.

– А что важно? – спросил я, перекрикивая гвалт и шум.

– Сложно сказать, но верю, что в нас есть что-то более свое, чем собственное имя.

– Ну это вряд ли, – я чувствовал, что запинаясь... – имя единственное, что у нас есть своего, не наносного...

– Стоит человека пару недель называть по-другому, и все привыкнут и забудут имя, данное ему родителями, – парировала она, – он и сам скоро привыкнет к прозвищу.

– Но не забудет... ибо когда его окликали в раннем детстве, он еще не различал предметы и не делил мир на внешнее и свое... Да и внешнее скорее походило на пятна без какого-либо смысла и обозначений.

– Тогда Ми... – протянула она руку, как бы здороваясь и представляясь. Хотя сквозь шум внутри и снаружи перепонки я толком не расслышал, но отчетливо уловил, что оно начиналось на «М», как «метро». Зафиксировал себе в со-

знание эту светящуюся неонов букву, возвышающуюся на ножке-столбе над входом в подземелье, в яме, в которой мы все оказались...

А еще я подумал, что имя у нее какое-то полусказочное. Как Анжелика или Вероника. Из тех, что любят брать проститутки, скрывая свои простые Аня и Маша.

– Почему так? – глядя мимо меня, спросила М у кого-то, кто словно бы сидел за моей спиной. – Почему человек бывает настолько унижен, что бежит даже от своего имени? Меняет свое имя на другое...

2

Думаю, в этот момент там, за моим плечом она видела своих родителей. Я даже на миг обернулся, чтобы понять, как они выглядят.

Так бывает, когда тебе ни с того ни с сего улыбнется вдруг в трамвае самая симпатичная девушка, а ты оборачиваешься, не веря в себя и в поисках того, кому могла так улыбнуться удача. Вопрос адресовался мне, но я был настолько пьян, что не смог сообразить до конца, сбежавшая ли она со своей свадьбы невеста или стриптизерша, отработавшая сеанс приват-танца в закрытой кабинке.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она резко, не дождав-шись ответа.

– Отдыхаю, – вздохнул я с трудом, будто нес тяжелый ка-

мень в гору, отчего от моего признания повеяло абсурдом, – отдыхаю вопреки всему.

– Я понимаю, – улыбнулась М, приняв меня, должно быть, за какого-нибудь богача, – если все время отдыхать, то и отдых становится в тягость.

Я снова глубоко вздохнул. Вздохнул, потому что мне вроде и было что сказать ей, а вроде и не было. Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Тварью, оказавшейся в цугцванге. Несостоявшаяся любовь, несостоявшаяся мать, несостоявшаяся невеста-жена-женщина и несостоявшийся мужчина. Оба полностью разочарованы и подавлены. Выброшенные на обочину, изгнанные из социума с единственным багажом – всеобщим презрением, сидят в самом центре нижнего круга ада.

– Это место мне кажется преисподней, – продолжил я подброшенную кем-то тему, – потому что там, на втором этаже, кафе с большими витражами напоминает мне рай.

– Я была на втором этаже, – скривилась в язвительной ухмылке М, – там сейчас свадьба.

– Случаем, не ваша?

– Кто знает, может быть, может быть...

– Вас что, спрятали тут от жениха за выкуп? – настаивал я.

– Скорее от женихов я спряталась сама. – Она улыбнулась первый раз за вечер.

– Как Пенелопа?

– Как Пенелопа.

Иногда так бывает, особенно в джазе, где темы подбрасывают, как детей под двери. Или под плуг на борозду. И ты сидишь и слушаешь жалобный плач саксофона. И слышишь в нем рождение новой жизни, новых чувств и эмоций.

Но за саксофоном вступает контрабас – бум-бум – бум, – будто топот бычьих ног. Или такой звук, будто о дверь головой бьется обманутый жених. А потом уже и пианино, как убегающие женские шажки, – первая любовь, первый страх, первый побег...

3

С другой стороны, я слышал о таких случаях. Я иногда читал книги, и как-то мне в руки попался сборник рассказов Мэнсфилд. А я люблю именно рассказы, потому что не хочу заморачиваться, уходить с головой в роман, как в плавание. И вот передо мной книжка с короткой аннотацией и краткой биографией автора. Там-то я и вычитал, как Мэнсфилд убежала от своего мужа после первой брачной ночи, или даже с самой брачной ночи, к оркестровому музыканту.

Я жутко завидовал парню, с которым сбежала Мэнсфилд. Это же как надо было запасть на простого музыканта из оркестра, который играл на свадьбах?

– Ерунда, – заметил поэтому поводу Алистер. – Я знал одного поэта, который выбросился из окна в день собственной свадьбы. Потому что счастливей момента в жизни у него

уже не будет.

– Круто, – восхитился я, хотя история с музыкантом из оркестровой ямы мне нравилась больше. Я ведь тоже в какой-то степени музыкант.

Вот я стою перед девушкой, которую принимаю за чужую невесту. Но с той же долей вероятности она может быть и стриптизершей-куртизанкой, чтобы не сказать проституткой, вышедшей из приват-кабинки, где ее только что лапал, а может, и имел ужасно толстый некрасивый торгаш, а может, и какой-нибудь плешивый, пропахший нафталином старикан-банкир.

Все эти кабинки, в которые уединялись клиенты с понравившимися танцовщицами, напоминали мне встроенные в стену камин, жаровни ада. Я специально придумывал себе как можно более жаркие картинки.

– Зачем ты выбрала такой путь? – спросил я, обращаясь ко второй возможной ипостаси девушки М.

– От отчаяния, – ответила она, – у меня никчемная сестра и больная мать на руках, которых надо кормить, а самой еще снимать квартиру.

И опять было непонятно, говорит ли она про замужество или про работу. Но я сам виноват, что задал такой размытый вопрос. А спросить в лоб показалось неделикатным.

– А еще я учусь в аспирантуре и пишу диссертацию, – продолжила М все так же меланхолично.

Еще раньше я заметил небольшие морщинки под отчаян-

но нежными глазами. А значит, она старше двадцати. Может быть, двадцать один или двадцать два...

– Да, и работаю, – перехватила она мои дальнейшие расспросы, – потому что стипендия у нас маленькая.

4

И опять было непонятно, вышла она замуж или работала стриптизершей. А может, спросить ее в лоб про проституцию? Я уже было собрался с духом, но тут мне на память пришло, как мы с ребятами, когда были еще подростками и кровь в нас кипела, поехали на старой «девятке» искать проституток. Мы катили вдоль улицы, на которой, так нам сказали старшие, теоретически должны были стоять девицы легкого поведения. Но никто там не стоял, а только порой шли себе вроде как по делам или гуляли вдоль тротуара одинокие барышни. Возможно, они возвращались из института или шли к своим бабушкам, несли пирожки. А может, все же фланировали в ожидании клиентов, как фланирует вон та Красная Шапочка по клубу?

Я сидел на переднем сиденье с правой стороны от водителя. И ребята подначивали меня к действию:

– Ну, давай же, спроси у нее.

Я открыл окно и крикнул первой попавшейся тетке:

– Вы работаете?

Тетка повернулась, и оказалось, что это училка химии, ру-

ководитель параллельного класса. Она вначале не поняла, о чем ее спрашивают, а потом покраснела, и в мою сторону понеслись матерные ругательства и проклятия.

И от всех этих воспоминаний мне почему-то стало не по себе.

– Пойдем со мной! – предложил я М. – Я тебя спасу!

– Как?

– Подкину денег, и тебе не придется совмещать работу с учебой.

– А не боишься моего, считай, мужа?

– А кто у нас муж? – начал бравировать я.

– Крутой бандит, он сейчас там, – указала она глазами то ли на ресторан сверху, то ли на столики ярусом выше, за которыми уединившаяся компания играла в карты.

– Предупреждать надо было, – оттолкнул я ее фразой из фильма и тут же прижал крепче, – был не прав, вспылил и теперь весь горю. Бежим, пока я в огне.

– А ты ничего такой, смелый парнишка! – рассмеялась невеста. – Жаль, такие долго не живут!

5

Больше мы ни о чем не разговаривали. Нам не о чем было разговаривать. Мелодия закончилась, девушка смешалась с толпой и исчезла. А я еще долго не мог забыть шелк ее платья и бархат ее кожи, вздернутый по-детски носик, вырази-

тельные скулы, волнистые волосы и большие печальные глаза... Кажется, я еще долго сидел в каком-то оцепенении, за- гипнотизированный этими глазами и очарованием М. А может быть, пораженный, пригвожденный к месту страхом перед ее крутым бандитом.

Вот они, превратности судьбы и мое падение. Сейчас я бы очень хотел, чтобы она была стриптизершей-проституткой, чем чужой женой. Пусть она лучше будет проституткой, чем навсегда исчезнет из моей жизни. И тогда каждую субботу я смогу сюда приходить и перекидываться с ней несколькими фразами. А если у меня будут деньги, даже заказать ей приватный танец в кабинке.

Я представил, как ее спасу, выведу за руку из этого притона. Не сейчас, позже, когда разберусь, что к чему. Черт! Кого я обманываю? Мне просто хотелось переспать с ней!

Минуту назад я не сомневался, что запомнил ее лицо и что легко узнаю в толпе среди сотен других. Одни лучезарные глаза с морщинками и высокие скулы! Но сейчас я больше помнил ее тело и запах, а лицо будто уплывало, скрывалось от меня в тумане опьянения. Я ее забывал, терял...

Нет, конечно, уже через четверть часа я попытался ее найти и взять телефон, несколько раз обошел все заведение, не исключая мужские туалеты. И даже попробовал пробиться наверх в кафе, где играли свадьбу, но все тот же охранник остановил меня железной рукой. Я пытался сказать, что невеста моя хорошая знакомая, но было уже поздно, так как

праздник закончился.

– А где они? – продолжал настаивать я.

– Кто?

– Ну, невеста, жених, гости.

– Уехали на первую брачную ночь, прикинь.

– А куда? По какому адресу?

– Мне не сообщили, прикинь!

Охранник не знал. А я после одного разговора не имел права преследовать чужую невесту, вторгаться и разрушать чужую жизнь. Даже пьяный я это понимал.

6

Много позже, думая о загадочной девушке М, я никак не мог решить для себя, что бы я предпочел. Какое из двух зол я бы выбрал. «Кто, – вопрошал я в минуты отчаянья, – кто чище, проститутка Мими или сбежавшая со свадьбы невеста бандита? На кого можно положиться в тяжелую минуту?»

Первые мгновения нашего знакомства вселили в меня недоверие. Недоверие к М как к моей будущей невесте и жене и матери наших будущих детей.

Потом между нами лежало нечто пугающее, смутное, трудно определяемое. Это была та история из прошлого, которая расплывалась на смутные пятна для меня. Того мутного прошлого, которое она прожила, которое было с ней и останется до самой смерти. И мне никогда уже его не выкор-

чевать, не выжечь каленым железом.

Это неверие в женщину было чрезвычайно разрушительным. Между мной и М будто сразу, с первой минуты нашего знакомства пролегла пропасть, темная расщелина ее прошлого, которая незаметно перерастала в провал нашего будущего.

И хотя Мелисса позже так и не призналась мне в проституции, в работе в эскорте и в танцах гоу-гоу, в глубине души я ей не верил.

Для любого мужчины самые большие страхи – страх измены, страх предательства. А самая большая жертва – отказаться от своей внутренней свободы. Сам я не готов был на большие жертвы. Тем более не собирался на ней жениться.

Я рассуждал, что, если она может предать влюбившегося в нее человека, мужчину, который согласился отказаться ради нее от самого дорогого – своей свободы, то что же будет со всеми остальными? Я думал, если она подрабатывала проституцией, то что ей стоит переспать с другим. Что ей стоит переспать с кем-нибудь, чтобы получить желаемое. Да чтобы просто понравиться или завоевать чью-то симпатию. Если она позволяла трогать себя в приват-кабинке, то, значит, порог доступа к ее телу низок. Только заплати немного денег, и вперед...

Но эти мысли, которые терзали, рвали меня на куски, были прежде, до того, как Мелисса ушла. А теперь, после того как она бросила меня, стоит ночи пролить свой звездно-лунный свет, как я вскакиваю и бегу искать ее в поглотившей бездне, в темноте. Я, наверное, действую как лунатик, потому что сам не знаю, зачем и куда двигаюсь. Я просто брожу по городу.

Порой, когда девочка-завывала протягивает мне рекламу очередного стриптиз-клуба, например «Бессонница» или «Лунышка», я тут же иду по указанному адресу, держа в уме, что первый раз увидел Мелиссу в подобном заведении. Я спускаюсь за ней в неведомые подвалы, затаив дыхание, как Орфей спускался к Эвридике.

Там я сижу за столиком и вглядываюсь в полуобнаженные тела девиц, пытаюсь поймать знакомый образ, жест, уловить черты ее лица в других лицах. Я всматриваюсь в бесконечных красных шапочек, Белоснежек, ведьм, гномиков, троллей, снежных королев и еще черт знает кого.

Я не танцую, я просто смотрю на отплясывающих у пилона – у этой оси-указки моего теперешнего мира – учительниц, медсестер, девочек-нимфоманок в школьной форме. Иногда я засовываю деньги им в трусы, чтобы сравнить их кожу с бархатной кожей Мелиссы, температуру их ледя-

ных тел с ее теплом. С таким же успехом я мог бы гоняться за призраками в подворотнях. Впрочем, иногда я пытаюсь поймать не мельтешение лиц, а лунные блики, зайчики цветомузыки, гуляющие по полу и столику.

Я думаю, что Мелисса тоже была школьницей в фартуке и даже успела какое-то время на практике поработать учительницей в школе. А как она заботилась обо мне, как лечила, когда я заболел! А как обжигала меня холодом, как язвила, когда хотела задеть.

Глава 4

Бомж или Античный герой

1

Отчаявшись найти Мелиссу в значных заведениях, я выбрал другую тактику – бродить там, где посветлее. И вот спустя примерно месяц моих скитаний в поисках Мелиссы я познакомился в переходе метро с одним очень странным типом. Странным – это мягко сказано. Он утверждал, что был крутым ученым, обладателем международных наград, которые давно пропали, думаю, тут уместен глагол «пропиты», завсегдаем конференций и симпозиумов, получателем грантов, участником эфиров и телемостов, членом-корреспондентом РАН, в конце концов. Мне он больше напомнил члена РАФ, хотя РАФ не более эфемерен для меня, чем РАН или какой-нибудь КСИР.

Говорю вам, самые интересные люди – это бомжи, которые еще не утратили навыки социализации. Уже само наше знакомство произвело на меня неизгладимое впечатление. Нет, конечно, я в переходе встречал и других любопытных типов, вроде чечеточника-чахоточника Чета или обрубка Радия. Кого только не повстречаешь под вечер в длинном пе-

реходе, но когда я встретил Алистера, сердце мое дрогнуло, будто я сам выхожу за пределы своего тела...

В тот вечер я как раз засиделся и уже собирался возвращаться к себе в каморку, зайдя перед этим ради чечевичного супа в Столовую номер один. Кстати, я хожу в эту столовую не только потому, что там относительно дешево, а потому, что чувствую себя там номером один.

А еще я, кажется, в тот момент курил и читал статью «Кто зажигает свет в конце туннеля». Это была статья о том, как отмирают клетки мозга и почему некоторые пережившие клиническую смерть видели некий таинственный всеобъемлющий свет. Подзаголовок статьи гласил: «Как ученые дали прикурить верующим». И тут я поднимаю голову и вижу этого прикуривающего долговязого бородатого детину.

– Ты, видать, ученый! Так, может, и мне дашь прикурить? – обратился я к нему.

– Да, – кивнул он, соглашаясь. – Как ты догадался, братишка?

И это его обращение «братишка», – ни «коллега», ни «старик», ни «дружище», а именно «братишка» – делало ситуацию такой комичной, что мы невольно улыбнулись друг другу.

2

Да, впервые, когда я его увидел, он всего лишь прикури-

вал. Стоял там себе под сводом перехода и, ссутулившись, прикрывал горящую спичку ладонью, но мне было достаточно. Я понял, что он факелоносец. Революционер. Прометей. Бунтарь из бригады РАФ. Потому что огонь, вспыхнув, озарил углы темного перехода, все выбоины и шрамы на потрескавшихся стенах, за которые я непроизвольно держался. Огонь озарил саму ночь.

А потом он затушил спичку и, откинув назад шевелюру характерным резким движением, прижал голову и лопатки к каменной кладке и медленно начал сползать вниз, словно обтирая и одеждой, и шевелюрой шершавую стену. Я слышал, как трется его плащ о бездушную поверхность, и понял, что ему было тяжело держать спичку, стоять здесь, в темном переходе, тет-а-тет с одиночеством, сжимая застывшими от холода пальцами щепку – последнюю надежду Одиссея, последнее оружие Ноя. Было видно, как он устал, как он измотан бесконечными шатаниями, бесконечными переходами...

Позже, стараясь не отстать от него ни на шаг, я увидел на его плаще пять маленьких колец, расположенных на спине в том же порядке, как олимпийские. А тогда я лишь слышал, как кольца скребутся о стену. И видел, как пальцы атлета сжимают до последнего свое копьё – свою маленькую спичку.

Отпуская себя в пропасть, он сполз до конца по стенке, усевшись на пол, но еще долго держал горящую спичку в руках, пока пламя обжигало его грязные длинные ногти. Он по-

прежнему не выбрасывал ее, и тогда огонь начал облизывать пальцы, а после третьей или четвертой затяжки склонился к луже и пустил еще не потухшую спичку в одинокое плавание, словно та – корабль с алыми парусами, а лужа – это море посреди перехода.

Трудно объяснить, но я сразу понял, что он герой, титан. Точнее, я представил себе его таковым, словно его пальцы – пальцы дискобола, вцепившегося в диск солнца из последних сил. Но возможности его не безграничны, пальцы разомкнулись, как порванные звенья цепи, выпуская факел из рук, отправляя спичку в дальнейшее плавание.

3

Этой игры в спички-коробки-корабли, в морской бой, мне было достаточно, чтобы пойти за ним по пятам. Хотя он все еще сидел. Но я знал, что он обязательно поднимется. Встанет и пойдет. Но прежде, чем подняться, ему надо было достичь нужного состояния поражения или озарения.

И чтобы подтолкнуть процесс, я решил задеть этого нищего бомжа в своей обычной задиристой, издевательской манере. Мол, чего ты здесь пытаешься высидеть? Иди уже домой! Подавать здесь больше не будут. Метро закрывается, и даже пьяные ночью стараются перейти улицу поверху.

– А я не ради денег здесь слоняюсь, – оторвав взгляд от спички, посмотрел на меня бомж.

– А ради чего?

– Чтобы проверить одну теорию, – сказал он.

– Какую еще теорию? – Я даже подвинулся поближе, чтобы лучше расслышать. Хотя и вблизи я многое не понял.

– Физическую теорию. Я ведь физик, а у меня есть друг математик и...

...И тогда он мне рассказал о том друге, который однажды заявился к нему и заявил, что сделал сумасшедшее открытие. «Он, – тут я пересказываю своими словами, как я понял сложную научную конструкцию и примитивно излагаю, – вдруг открыл, что если покрутить тумбочку, то можно выйти в другие миры». О крутящихся столах и иных мирах я слыхивал, а вот тумбочка или другой предмет мебели – это было что-то новенькое.

Друг его, как я понял, занимался алгеброй и топологией. И по его расчетам, из крышки можно сделать вселенную, а из кружки нельзя, потому что в кружке дырка, а это разрыв пространства.

– А топология, – как мне тут же в общих чертах и на десяти пальцах и двух коленках быстро, почти скороговоркой, пытался объяснить бож, – это такой раздел математики, изучающий в самом общем виде явление непрерывности, а в частности – свойства пространств, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях.

Хотя с другой стороны, во вселенной есть черные дыры, а это такой сокрушающий разрыв пространства, и вот сейчас

он, физик, как раз пытается разобраться с черной дырой, поглощающей энергию света и тепла... И для наглядности эксперимента, чтобы совсем не оторваться от земли и не съехать с катушек, он выбрал лужу как аналог черной дыры, а переход под Невским – как аналог адронного коллайдера, построенного в Альпах, там, где Ганнибал совершал свой переход.

Я не очень поверил в рассказ бомжа, принимая его за большие фантазии, но в то же время слегка приуныл. Мне показалось очень красивым сравнение лужи в неосвещенном переходе с черной дырой. А сам переход – с коллайдером. Потому что иногда мое тело и душу так ломит от черной тоски по Мелиссе, что, кажется, здесь, в переходе, я сам распадаюсь на нейтрино, которые потом соединяются в измененном виде.

Но этого никто не замечает, и люди, спешащие по своим делам и сталкивающиеся нос к носу, как разогнанные протоны и тяжелые ионы, и вызывающие столкновение, за которым следует взрыв, рассыпающий целый каскад частиц, тоже этого не замечают. Они бегут по своим работам и к своим проблемам, осыпаясь с верхней атмосферы до уровня грешной земли.

4

Да, меня это заинтересовало. Очень заинтересовал вопрос, когда черные дыры и энтропия поглотят все, можно ли

будет построить правильную вселенную. Вселенную определенного, удобного для каждого типа, согласно топологии.

– А этот ваш друг-математик, – осторожно поинтересовался я, – он реален, он еще живой или его тоже поглотила черная дыра?

– Почти поглотила. Мы с ним познакомились в Доме ученых на званом ужине в честь самых крутых академиков города, – расцвел бомж Алистер, словно вновь оказался на шикарном приеме, – я занимался другими цацками, но мы с ним сразу нашли общий язык. Потому что за время банкета он ни разу не притронулся к еде, и мы весь вечер проболтали о квантовой механике...

Далее для меня шли непонятные термины, но слова «цацки» и «проболтали» как-то выбивались из общего ряда и немного смешили меня.

– Ага, братишка, – подводил к завершению свой рассказ бомж, – а в конце вечера мой друг-математик предсказал, что однажды он покрутит тумбочку так, что из окна моей квартиры откроется вид на окна психбольницы, куда его скоро упекут. И однажды, братишка, так и произошло. Я просыпаюсь, подхожу к окнам, чтобы раздвинуть шторы, и вижу напротив своей квартиры не обычный дом с кофейней, а окна психбольницы, а там своего товарища.

– Да ладно. Прямо как в игре в наперстки?

– Ага, представляешь, все так и было, как в игре в наперстки или в меченой колоде карт у шулеров, правда, после

долгих и неприятных приключений накануне...

– Рен, – протянул я руку. Я тогда всем представлялся Рен, сокращением от моего имени Ренат. Реже Романом, просто чтобы слиться с этим городом, с его стенами и дворцами, чтобы не выделяться на его фоне, когда за тобой толпой идут неофашисты или мусора. Как говорил поэт Тумас Транстремер, «у того, кто всегда на виду, кто живет под взглядом множества глаз, должно быть особое выражение лица. Лицо, покрытое глиной».

Но сейчас речь не обо мне, а об Алистере.

Алистер продолжал рассказывать, почуяв благодарного слушателя.

Мы вышли на улицу. И я предложил сделать круг, прогуляться с таким расчетом, чтобы снова выйти к Столовой номер один. Мы прошлись, оказались на набережной и взглянули на шпиль Петропавловской крепости, добрали до Фонтанки.

– Думаете, город основал Пётр? – резко сменил тему Алистер.

– А кто же? – Я даже на секунду замер.

– Черта с два, – утверждал он, – этот город существовал задолго до Петра. Посмотри на памятник царю. Пётр восседает на настоящем Буцефале. А почему он в тунике и с мечом на поясе? А на пьедестале каменные вкладыши, будто этот пьедестал состоит из разных частей, как и весь этот город состоит из разных частей?

– Да ну?

– А карта самого города – один в один карта Афин или карта Парижа. Три луча отходят от Адмиралтейства. А вы никогда не задумывались, почему луча три, а в четырех углах первого яруса башни находились статуи четырех античных героев: Александра Македонского, Ахилла, Аякса и Пирра? – Алистер был мастером задавать каверзные вопросы.

5

– Так это же просто, это Екатерина заложила лучевую систему, – заметил я, – ориентируясь на образец Рима, на который, в свою очередь, ориентировался и архитектор Осман, перестраивая Париж.

Тем самым я хотел уточнить, что просто такое планирование, что город строили по лекалам других городов.

– О, то, что ты слышал про города солнца, с египетскими обелисками, площадью де Попполло и Версалем, это хорошо. Но что ты знаешь о лучевой и волновой теории? – скептически посмотрел на меня Алистер. – Если бы у нас было время, я бы смог тебе прочесть лекцию на тему волновой теории света.

– А у нас разве нет времени? – подмигнул я.

– Времени на все про все пять минут, – посмотрел на часы Алистер и тут же приступил к волновой теории, пересказать которую я, наверное, не смогу. Но за те пять минут мы по-

дошли к Медному Всаднику, и я почувствовал себя как Евгений, накрываемый бушующими, бьющимися о гранит волнами Невы. В какой-то момент мне показалось, что ладонь Петра не раскрыта, а сложена в кукиш.

– А вот статуя Петра уже в римской тунике, – ткнул я пальцем вверх, когда мы приблизились к гром-камню.

– И эта громадина Фальконе тоже скопирована с образов Александра Македонского и его Буцефала, как слеплены с образа Македонского, умиряющего Буцефала, и кони Клодта, – судя по всему, Алистер не особо был расположен воспринимать мои возражения, – а на мосту через Фонтанку еще и сфинксы водружены. Такие колонны, сфинксы, пирамиды и портики есть в каждом городе. В Париже, Киеве, Стамбуле, Риме, Лондоне. Везде есть триумфальные арки, колонны-столпы и сфинксы. Как ты думаешь, почему?

Я не знал, что тут ответить Алистеру, припоминая и Трафальгарскую площадь, и Елисейские Поля, и район Ипподрома в Стамбуле. Точнее, у меня было предположение, что это все после Наполеоновских войн и взятия Александрии, когда по Европе прокатилась мода на все египетское, но я промолчал. Мне нравилось его адское гониво.

– Все это копии с одного древнего поселения. С идеального поселения, – продолжал Алистер, – это некий прообраз города. Питер – это прообраз идеального города. Идеального, как и Нью-Йорк, с его перпендикулярной планировкой.

– Как идеи Платона?

– Типа, но не совсем. Если бы ты что-то смыслил в геометрии, братишка, я бы тебе попытался объяснить, как это возможно. Но пока поверь мне на слово, нет никакого города Питера. Вообще нет. А есть слепок с макета идеального города.

– А макет идеального города хранится в Атлантиде? – вставил я свои гуманитарные пять копеек, припоминая что-то из истории и географии. – Так я, типа, и пытался это сказать о Екатерине.

– В небесной Атлантиде, – поднял палец кверху Алистер и тут же добавил: – Египтяне, а за ними греки хотели быть бессмертными, и они ими стали, они живут с нами, пока живут воздвигнутые ими обелиски и монументы... А теперь поспорь со мной.

Я не хотел спорить. Мне вообще не хотелось спорить. После ухода Мелиссы все споры потеряли смысл. И вообще всяческий смысл был утерян. Мне больше хотелось слушать и впитывать. Особенно мне приятно было слушать про все, что связано с Египтом, и истории про обелиски солнечного города меня завораживали.

6

Алистер продолжал рассказывать, что Питер – это вовсе не Питер, что он существовал задолго до Петра Первого. И даже показал в подтверждение надпись на фронте како-

го-то дома, которую я, по его мнению, должен был прочитать и понять или узнать.

Как выяснилось из разговора, Алистер был полиглотом. Он выучил кучу языков, половина из которых были языками мертвыми. То есть языками сгинувших цивилизаций. В том числе он знал древнеегипетский, древнегреческий и язык майя.

– В этом нет ничего сложного. Это всего лишь математика. Чем больше языков учишь, тем легче даются другие, – уверял Алистер, и я заметил, что улыбается он вполне сносными и светлыми для его возраста зубами, а значит, он еще относительно молод и открыт душой.

– У всех языков есть нечто общее. Некий код или праязык. За ним стоит нечто вроде нот или цифр. Достаточно понять это на надрациональном уровне. Если ты овладеваешь этим кодом, то окажешься способен понимать новый язык, пятьдесят тысяч слов за несколько дней.

Пока мы шли, Алистер рассказывал о различиях в языках, точнее, об их отсутствии в конечном итоге.

Я же впервые обратил внимание на благородный вид его лица. Правильные черты, седые волосы и пижонская седая бородка. Такое лицо подошло бы аристократу, какому-нибудь графу, на худой конец, профессору, но никак не бомжу.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – кивнул мне Алистер. И мы чуть прошли вдоль прямой линии Невского, чтобы резко свернуть налево в закоулки. Неподалеку от Невского полно кинотеатров с широкими экранами.

Здесь тебе и «Невский», и «Аврора», и «Дом кино». Даже арка Главного штаба – большой натянутый киноэкран, а Александрьевский столп – луч проектора, который еще не настроил механик. Но Алистер вел меня в особый кинотеатр. В кинотеатр для взрослых.

– Смотри, – подтолкнул он меня к одной афише.

– Что смотреть? – не понял я.

– Это она, – указал он мне на порноактрису Сашу Грей, – правда, красивая?

– И что?

– Моя любимая, моя бывшая жена.

Тут я впервые всерьез заподозрил, что Алистер немного ку-ку. Слегка чокнутый либо бессовестно заливает. Где он, а где порноактриса Саша Грей. Она на небесах, в золотом раю, а он на помойке, точнее, в тухлявом Питере.

Но все было не так просто. Я уже догадался, что Алистер был платонистом, или агностиком, то есть верил в некий небесный прообраз-идеал всего сущего. А его небесным идеалом женщины была Саша Грей. Да, тот хищный, слегка

стервозный типаж, за которого я бы и гроша ломаного не дал. Но Алистер ему тем не менее поклонялся, не пропуская ни единого фильма.

А что касается его жены, то она была того же кошачьего типажа, как и Саша Грей. Прежде чем выкинуть его на улицу, она переписала на себя и своих детей его четырехкомнатную профессорскую квартиру в центре города. Затем завела себе любовника. А может быть, последовательность действий была другой.

Не знаю, насколько было точным сходство между Сашей Грей и его женой Тамарой. Может быть, они были один в один, как Марина Басманова и Мария Соццани, как продавщица картошки в овощном отделе «Дикси» и Элизабет Тейлор. Не знаю. Да и какая разница, если обе были просто символами, знаками.

8

– Ты его простил? – спросил я, выслушав историю Алистера. – Своего соперника. Не хотел подкараулить где-нибудь в темном переулке и треснуть камнем по голове? Или зарезать к чертям обоих?

– А он здесь при чем? Он всего лишь вода, субстанция, которая потекла в открывшуюся низину.

Я хмыкнул, подумав, что под «низинной» он имел в виду жену.

– Простая математическая формула. Всегда найдется тот, кто захочет занять твое место, даже если ты мертвец на кладбище.

– О да, – согласился я, мне ли было не знать. Даже меня, плавающего у самого социального дна, хотели изжить бомжи-попрошайки.

– А все потому, что природа не терпит пустоты и нет в мире ничего постоянного.

– И ты на нее не злишься? – выдержал я для порядка паузу, подбирая слово. – Ты ее простил за непостоянство?

– А что с нее взять? – ухмыльнулся Алистер. – Женщины есть женщины. Всегда и во все времена все женщины одинаковы, что бы они тебе ни говорили и ни пытались внушить.

– Не совсем так, – попытался я возразить. – Не все способны изменить. Некоторым чистоплотность не позволяет.

– Чистоплотность здесь ни при чем! – парировал Алистер. – Если женщина была проституткой, а потом вышла замуж и ни разу не изменила мужу, то она чистая.

– Возможно... – кивнул я, вспоминая, как встретил Мелиссу в баре «Трибунал» и как принял ее то ли за проститутку, то ли за чужую невесту.

– А если девушка вышла замуж и изменила? Изменила, чтобы просто попробовать? Потому что была всего с одним мужчиной и ее разбирало любопытство? Нет, не похоть, не зависть, а чистый интерес, любопытство? Она чистая?

– Вряд ли.

– А если она идет на панель, чтобы прокормить детей, семью, как Соня Мармеладова?

Я промолчал, понимая, что Алистер – мастер задавать каверзные вопросы. Возможно, он этому учился у самого Сократа.

– А если ей не приносит удовольствия секс и она спит с мужчинами из жалости к ним? Из своей женской сущности? Спит, чтобы не обидеть и не оттолкнуть? Она чистая?

Я пожал плечами, запутавшись в его софистике.

– Моя жена изменила мне всего раз. Но так получилось, что она встретила человека. – Алистер произнес слово «человек» с некоторым придыханием и восторгом.

– А ты не человек?

– Я – не-е-ет, – он яростно замотал головой.

9

Я хотел было спросить, кто же он, но меня тогда гораздо больше интересовал другой вопрос.

– Алистер, – посмотрел я на него внимательно, – а ты хотел бы знать сейчас все о своей жене? Спросить у нее, что она обо всем этом думает и как к тебе относится?

– Зачем? – удивился Алистер. – Я всегда ориентируюсь на свою матушку. Не копайся, а то докопаешься. Вот Достоевский копал-копал и докопался. С Аполлинарией Сусловой он увидел такие бездны в женщине и в себе, что ужаснулся

и чуть не свихнулся.

– Черт, – выругался я, – а я как раз сейчас хочу докопаться до всего, до самой сути.

– Вот это интересная тема, – остановился Алистер и, повернувшись, заглянул мне в глаза, – хочешь ли ты все знать и готов ли ты простить, если узнаешь?

– Узнаю что?

– Узнаешь, например, что до тебя у нее была тысяча сексуальных связей.

Я промолчал, серьезно задумавшись. Простил бы я Мелиссу, узнав, что она работала проституткой в баре «Трибунал»? Или танцовщицей гоу-гоу?

Пока я встречался с Мелиссой, мы вообще не касались этой темы. Я предпочитал не знать, забыть, убежать, убеждая себя, что это была не Мелисса, а просто похожая на нее девушка, которую я спьяну перепутал.

Я предпочитал не выпытывать, не копать в ее прошлом, принимая только то, что она сама рассказывала. И Мелисса пользовалась моей деликатностью. Я чувствовал, как она порой, во время, казалось бы, легкой болтовни осекает или задумывается, берет паузу, словно подбирая нужную формулировку.

Но разве не все мы так делаем, разве не стремимся преподнести себя в лучшем свете? Разве не для этого надеваем лучшие наряды и ходим на выставки и в театры?

– Знаешь, к какому открытию я пришел, братишка? Я пришел к выводу, что все семьи одинаковы: и счастливые, и несчастные. Что это, по сути, история о рае, об Адаме и Еве. Смотря как развивается ситуация. Сначала парень находит девушку, ну, или наоборот. Они женятся. Начинают копить имущество, фотографировать друг друга, строить общий дом. Этот дом и есть их Эдем. А потом приходит змей-разрушитель. И все, на этом все. С самого начала и до конца. Альбом выбрасывается на улицу. Знаешь, сколько я таких семейных альбомов находил в мусорках и на свалках? Сколько старых книг и детских вещей! Выходишь на помойку поутру, а там чья-то выброшенная жизнь. Иногда сидишь смотришь чужие фотографии, разбираешь детские пинетки и жилетки и слезами обливаешься, как крокодил Себек. Бог разлива Нила, кстати. Нет больше дома, нет больше никакого Эдема!

Алистер разошелся так, что его уже было не остановить. Слушая его, я понимал, что у меня едет крыша. Что я впадаю в депрессию. Еще немного, и я тоже окажусь на улице. Если город, по которому я хожу, всего лишь прагород, если все женщины суть одно и то же, а все семьи живут по одному сценарию или плану-замыслу, то какой смысл суетиться и биться?

– Здесь! – ткнул он вдруг пальцем в небо, остановившись.

Я запрокинул голову, не сразу сообразив, что на самом деле он указывал на окна дома, под которым мы вдруг очутились.

– Здесь я раньше жил со своей женой.

11

Мы стояли, задрав головы, и долго смотрели на четыре горящих окна. И в этот самый момент на Малой Морской, когда часы на башне здания Думы отсчитывали переливом очередной прожитый час жизни, я вдруг жутко позавидовал Алистеру. У него есть эта возможность, это счастье, эта надежда стоять вот так и смотреть на окна своей любимой, на горящий огонек, на маяк-фонарь, разложенный на четыре плоскости стекол. А передо мной лишь беспросветная стена пустоты и черноты.

– Там, – пояснял он, – детская. А там – кухня. Жена наверняка сейчас что-нибудь стряпает для детей. Потом они перенесут все в гостиную на подносах. Накроют скатертью стол. Сядут все вчетвером. Потом посмотрят телевизор, а перед сном читают книжки. Так всегда было по субботам. Хорошо, тепло, красота.

– Почему вчетвером?

– Она, Маша с Мишей и ее новый муж. Мужа зовут Александр. Все дело, видимо, в этом. Я всегда хотел, чтобы меня

звали Александр, как Македонского. Завоеватель, сын египетских богов и все такое. И жить я хотел бы где-нибудь в Александрии, в столице династии Птолемеев. И тогда у нас с Тamarой все сложилось бы по-другому. Возможно, мы до сих пор жили бы под одной крышей.

– Так ты поэтому называешь себя Алистером? Чтобы быть ближе к Александру?

– Типа того, – ухмыльнулся Алистер и снова уставился на горящие окна.

И тогда я понял, какой силой обладал этот братишка. Он обладал силой любить, даже если его откровенно предали, силой прощать, силой настоящего мужчины.

12

В принципе, эту историю можно было бы закончить на этом моменте. Потому что все остальное было бессмысленно. И потому что на меня накатила огромная депрессия. Но мы скорее по инерции наматывали уже третий круг по городу, любуясь одними и теми же зданиями и людьми, сделанными будто по лекалу...

– Тебе хорошо, – заметили, – ты платонист, поэтому веришь в некий идеал, в идею. А с верой легче жить.

– Я скорее как человек науки аристотелевец. Но сути это не меняет. Любой предмет, вещь состоит из идеи и материи. Материя – это то, что отличает нас друг от друга и отодвигает

от идеи. Но к идее мы стремимся вернуться.

– К идее самих себя?

– В том числе. Жизнь всех вещей мира, жизнь всего сущего направлена от материи к эйдосу, к его сущности или идее. Поэтому-то мы так мечемся, бегаем, как пони, кругами, растем, как дерево, устремив ветки к небу, и все ради движения к самому себе или своей сущности.

– А как же стремление к женщине? – вспомнил я о Мелиссе и о том, как я нарезал круги по Питеру в поисках ее. Да и Алистер привел меня к дому жены.

– Женщина и вообще любой другой человек – наше зеркало. Зеркало заднего вида на машине, в которое мы смотримся иногда по дороге к цели, – подтвердил он мои догадки, и я подумал, что, с другой стороны, все только начинается. И мы еще можем сделать и четвертый круг, и пятый.

– Где ты живешь? – Мне очень не хотелось расставаться с Алистером. – Давай я тебя провожу.

– Сейчас я живу на кладбище, – подмигнул он, – присмотрел там себе одно теплое местечко среди классиков. И переезжать, если что, не придется!

– На каком кладбище? На Ваське? – подумал я про свои любимые лютеранские усыпальницы.

– Нет, на Волковском. Так что, если пожелаешь как-нибудь отдохнуть от суеты, заходи в гости. Я тебе такую экскурсию устрою, что домой не захочешь.

– А я здесь недалеко, в центре обитаю. Давай заглянем

ко мне, на кофе. Можешь даже пожить у меня, если вдруг вздумается.

– Нет, спасибо! – отмахнулся он. – Не хочу привыкать к комфорту. Я уже привык к кладбищу, где мне предстоит провести большую часть своего существования, а главное в нашем деле – привычка.

И Алистер пошел к себе качающейся, будто трассирующей, походкой. В сумерках его темная фигура, среди горящих ламп на встречных пучках соцветий фонарей, казалось, разрывала пространство.

– Еще увидимся, – махнул он на прощанье, меняя, казалось, этим жестом реальность и сокрушая, будто мечом, невидимых врагов.

– Само собой, – кивнул я, чувствуя, что все еще только начинается... Что Алистер еще не раз придет ко мне в гости и научит меня своей китайской азбуке и арабской абра-кадабре.

Глава 5

Балерун кордебалета

1

В следующий раз – по-другому и быть не могло – мы встретились совершенно случайно. Толкаемые, движимые навстречу весенними потоками под козырьком туч, у частокола дождя. Я пристроился в одной подворотне, чтобы, как бы это помягче сказать, сбить пыль с фундамента очередного шедевра архитектуры, и тут какая-то сила, сияние небес, когда все вокруг на секунду проясняется, и металлические крыши, и плафоны фонарей озаряются солнцем, заставила меня поднять голову, и я увидел проезжающий мимо сверкающий параллелепипед троллейбуса, слиток червонного золота, будто он и не троллейбус вовсе, а фараонова ладья или колесница, запряженная лошадьми с золотыми поводьями. И там, за стеклами ладьи Осириса, девушка, которая, приплюснув лоб к стеклу, с жалостью смотрела на меня.

Я сразу узнал это лицо с высокими скулами и эти глаза. Хотя, возможно, она смотрела и мимо меня на камни. Не на разрушающегося человека, а на разрушающийся город. Не важно, главное, что этот взгляд, от которого таяли айсберги

и меркло солнце, я не мог перепутать ни с каким другим.

Наспех застегнув ширинку, я побежал. Мы двигались какое-то время параллельно с крутящим колесом параллелепипедом, и периодически то я смотрел на девушку, то она на меня. Троллейбус придерживали и заторы, и светофоры своими красными флажками. Меня придерживал стыд от того, что девушка видела, как я отливаю прямо на мостовую, а может, по моим конвульсивным движениям, по довольному лицу она бог знает что вообразила. Может быть, даже решила, что я дрочу в этой подворотне? Что я вуайерист, который подглядывает за тем, как сношаются собаки, и получает от этого удовольствие?

Черт знает что она могла подумать. Во мне боролись стыд и страх вновь упустить ее. Настоящая внутренняя драма. Троллейбус ускорился, и мне нужно было успеть заскочить внутрь на следующей остановке.

Наверное, со стороны это выглядело комично. Еще минутой назад мочившийся человек бежит за троллейбусом, перепрыгивая ручьи и лужи, как клоун в больших башмаках, он вскакивает на подножку, садится напротив девушки, которая видела его только со спины и в профиль, а сейчас он показывает себя целиком, анфас, и не скрывает красного с перепоя носа и выразительные синяки под глазами.

Но самое ужасное меня ожидало впереди. Когда я, заскочив в троллейбус, плюхнулся напротив своей избранницы, когда я отдышался, пришел в себя и уже собирался произнести фразу, придуманную на бегу, что-то типа «я знал, что обязательно встречу тебя еще раз в этом городе», когда я только открыл рот, то понял: моя спутница не одна.

С ней рядом сидел здоровый мужик, лысый, с накачанными бицепсами, в татуировках, у которого на блестящем и влажном лбу было написано: «Я ждал тебя, урод. Я знал, что найдется наглец, который покусится на мое сокровище. Но я раздавлю всякого, кто только посмеет взглянуть на мою красавицу с вожделением!»

И девушка, та, что сводила меня с ума одним взглядом, вдруг взяла этого парня под руку и, закрыв глаза, склонила голову к нему на плечо. Как сказал один поэт, «повернись ко мне в профиль. В профиль черты лица обыкновенно отчетливее, устойчивее овала с его блядовитыми свойствами колеса...».

А еще я понял, что М, я еще не знал ее имени, интуитивно от меня защищается. От моих еще не сказанных слов и от моих неказистых манер. А может, от моего алчущего взгляда и моего навязчивого преследования.

Да, она ищет защиты у своего мужчины. Может быть, это

даже не ее муж и не ее брат, а ее сутенер. Еще унижительнее для меня, если это сутенер, вполне приличный и симпатичный, в костюме, в дорогой обуви. С таким хоть на край света. А напротив я – грязные руки, растрепанные волосы, разъехавшаяся молния ширинки, это я заметил только сейчас, опустив взгляд, мокрые джинсы...

Увидев меня неприглядным и растерянным, она к тому же наверняка вспомнила, что это я минуту назад мочился на стену дома, в котором проходил первый бал Наташи Ростовой или маскарад Лермонтова, или еще какой-нибудь дом из высокой культуры и литературы, с подсвечниками, лепниной на потолках и натертым до блеска паркетным полом, на который ступать-то без бахил страшно, а тут...

Это было унижение, какого я давно не испытывал. Меня постигло сильное разочарование.

И тогда я отвернулся. Да, я отвернулся, лучшего слова не подыскать. И стал смотреть на прекрасный город, который, сев на корточки и задрав подол, из всех прорех и щелей поливало огромное серое небо.

3

Я спохватился только в тот момент, когда они вышли на остановке, а троллейбус поехал дальше. Но, к счастью, напротив Думы над головой пассажиров раздался треск, водитель открыл переднюю дверь и отправился водружать на ме-

сто съехавшие с проводов пантографы.

Да она, может быть, уже сегодня наставит нам рога, дружище! Воспользовавшись заминкой, я в ужасе выскочил на улицу и поспешил за ними по Итальянской, к площади Искусств. Потому что развития темы рогоносцев допустить было нельзя...

Но вот она, милая площадь, похожая на сицилийскую или неаполитанскую, с традиционными пиццерией и trattoria. Я уже говорил, что в основе этого города лежит много городов. В основе Итальянской улицы лежит Рим, а в основе Большой Конюшенной – Париж, канал Грибоедова – Венеция, а набережная Невы, если смотреть со стороны реки, – Лондон. И дождь своим шлейфом смахивает картинку одного города, чтобы тут же нарисовать картинку другого. Это такой фильмограф, в котором будто невидимая рука тасует кадры, стоит только поменять угол зрения.

Мелисса была в прекрасном, светло-сером, как мне показалось тогда, почти белом плаще-макинтоше с поясом и в синем берете. Она была как Ева Грин из фильма «Мечтатели». В таком берете, прикиде, должно быть, посещают Гранд-опера в Париже или Ла Скала в Милане. Но преследуемая мной пара, так вырядившись, шла все же не в Ла Скала, а в Михайловский театр, рядом с которым кабак «Бродячая собака», где век назад вертелся и кривлялся Вергинский, маяковал рублеными строками Маяковский, красовалась балерина Красавина, чтобы не сказать плясала Плесецкая.

Да мало ли кто там танцевал, пел и читал на костях уже умерших поэтов в предчувствии музыки, еще не родившейся! Мало ли кто веселился в этом здании. Главное было то, что происходило на улице здесь и сейчас, в тот самый момент, когда я вдруг почувствовал себя взявшей след бродячей псиной. Собакой, семенящей, понутив голову и хвост, за плывущим по другому берегу улицы лебедем. Не охотничьей, не бойцовой, а именно бродячей, которая не может подойти близко из-за страха быть побитой грозным спутником Мелиссы, но которая в то же время не теряет надежды на случайную подачку-ласку.

Как вскоре выяснилось, Мелисса и ее спутник спешили на оригинальную постановку «Лебединого озера». Не знаю, насколько она там оригинальная. Летом, чтобы заманить туристов, всегда пишут «оригинальное», а подсовывают самое традиционное, чтобы мещанин с длинным рублем не был разочарован. Чтобы он знал, что посмотрел что-то оригинальное, даже купив билет на железобетонную классику.

Я не мещанин, я бы с радостью пошел на балет Эйфмана по «Братьям Карамазовым», но я не мог еще раз упустить Мелиссу. Понимая, что большего шанса мне небеса могут не предоставить, я насобирал по карманам денег на билет, чтобы приобрести его у перекупщиков. Так сказать, контрамарку на традиционную галерку на оригинальную постановку «Лебединого озера», которая стоила, должно быть, дороже билета в ложу на «Братьев Карамазовых», если покупать

его в кассе.

На галерку мне пришлось продирааться сквозь заслоны из швейцаров в красных ливреях и женщин в черных костюмах, которые в своей униформе походили на личных референтов-телохранителей. Они делали все, чтобы отгородить меня от тела Мелиссы, отгоняя все дальше и дальше от партера и вип-лож, туда, на пятый круг лестничного пролета. На галеру галерки, на которой сторбившись сидят нищие гребцы.

4

В итоге мне удалось занять полагающееся мне место только к моменту, когда принц Зигфрид отправился на охоту и встретил там королеву лебедей Одетту. А потом, все вы это прекрасно знаете, злой волшебник Ротбарт и его дочь Одиллия изо всех сил старались погубить любовь принца к Одетте. И вот в эту самую минуту, когда на подмостках владетельная королева устроила настоящий бал с выбором невесты для сына и гости плясали разные кадрили: русский танец, затем неаполитанский танец, затем испанский, клянусь, я сам был готов вскочить с места и принять участие в этом славном мультикультурном пати, выступить в качестве соискателя на руку какой-нибудь красотки, да и все зрители, думаю, с радостью стали бы активными участниками бала.

Однако, зачарованные зрелищем, они пока не решались.

Такие изящные и чопорные в своих вечерних нарядах, в пиджаках и фраках, они были прикованы к креслам, как к креслам, вплоть до антракта.

Занавес опустился, зажгли свет, и я начал искать глазами Мелиссу, но не нашел ее в этом карнавале-мельтешении. К тому же я забыл взять программку и бинокль. Или монокль, живи мы во времена Тулуз-Лотрека, этого обожателя водевилей и балета. Как говорят в театре, «балет уехал – ебите хор».

Среди этих наслаждающихся вечером и представлением сытых, холеных, одетых во фраки и бабочки буржуа я вдруг почувствовал себя изгоем на этом празднике жизни, злым волшебником, который своим тряпьем и своими дурными манерами хочет разрушить счастье и любовь одной юной прекрасной четы. И в то же время, в простых джинсах и клетчатой рубашке навыпуск, я чувствовал себя яванским колдуном. Я вдруг отчетливо увидел свою роль в этом лицедействе.

Во второй части представления я стал придумывать постмодернистский балет. Я всегда что-нибудь сочиняю, когда смотрю или читаю чужое. И вот я придумал действительно оригинальное постмодернистское либретто, по которому яванский держатель бойцового петуха приезжает с ним в крупный европейский город. В какой-нибудь Лондон с музеем Виктории и Альберта и Альберт-холлом.

Он важно расхаживает со своим бойцом везде, гуляет по

городу от Трафальгарской площади до квартала Челси. Он бывает на знатных раутах и высокосветских приемах и везде выглядит этаким модным метросексуалом, у которого вместо маленького кудрявого пуделька под мышкой задиристый боевой петух с хохолком и гигантскими шпорами.

И вот судьба случайно закидывает нашего героя на балет «Лебединое озеро» в Альберт-холле. И там он встречается злого волшебника, колдуна, шамана в перьях, который то и дело выскакивает на сцену и что-то там себе колдует, зачем-то размахивает своими черными огромными крыльями.

Для всех непосвященных действия Ротбарта – архаика, ритуал, фольклор, они не видят никакого смысла в колдовских обрядах, но для нашего героя, знающего о магии не понаслышке, это не сказка, а трагическая реальность. В прошлом году волшебник из соседней деревни также заколдовал его невесту, без пяти минут жену. Заколдовал из зависти и по навету, отчего его невеста быстро слегла и умерла.

5

Вот она – ирония судьбы. Наш яванец наконец находит своему петуху достойного соперника. Соперника, которому он перед всем своим племенем поклялся отомстить. Соперника, который погубил его невесту и теперь хочет заколдовать Одетту.

Недолго думая, герой вскакивает со своего места в ложе

и, легко перемахнув-перепрыгнув через несколько голов, за-скакивает в партер со своим яванским петухом.

В Альберт-холле зал устроен как в цирке, сцена там овальная, словно яйцо в поперечном разрезе. Точь-в-точь как ринг для петушиных боев в родной деревне Малайского архипелага.

Наш герой типичный обитатель Явы: худощавый, мускулистый, загорелый, с короткой стрижкой – ни дать ни взять танцовщик кордебалета. По пути он срывает с себя рубаху, повязывает на пояс, и теперь, с голым торсом и в потрепанных штанах, он решительно выскакивает на сцену и, будто кидает перчатку, плюет в лицо колдуна. Так принято у них на Яве – харкнуть своему противнику в рожу посмачнее.

А между прочим, колдун, которому в рожу прилетел плевков, – не просто какой-нибудь заштатный злодей-волшебник, он супер-прима Нью-Йорк-опера, он танцовщик-миллионер, всемирно известная знаменитость, и каждое его па на сцене стоит сумасшедших денег.

Но сейчас прима пребывает в шоке, он не понимает, что происходит. Он вопит, вызывает своего импресарио, требует срочно вызвать еще и адвоката и сверить программку с условиями контракта. И наоборот.

Зрители Альберт-холла – дамы в норковых манто и вечерних платьях и мужчины в дорогих костюмах, короче, вся эта перхоть города и мира – принимают яванского бойца за артиста малых и больших. Все оживляются, все в нетерпе-

нии ждут развязки яркого зрелища. Они не видят никакого подвоха и аплодируют неожиданному повороту, современной трактовке модного современного режиссера. Вот она, наконец началась оригинальная постановка классического балета!

А тем временем яванский петух, выпустив шпоры, распушив крылья и хвост, налетает на Ротбарта. «Чтобы защитить Одетту», – думают заинтригованные зрители. И в принципе, они не далеки от истины. А колдун-коршун, увидев решительный настрой петуха, встает на колени и начинает молить о пощаде, то разводя крылья в стороны, то складывая их на груди.

Но яванец и его петух воспринимают примирительно-просительные жесты коршуна как боевую стойку. Вооруженный гигантскими шпорами петух настроен дать бой не на жизнь, а на смерть, побиться за всех курочек-балерин в перьевых пачках. Он покрывает Ротбарта и начинает его клевать и насиловать в прямом смысле слова. Трахать-клевать-трахать-клевать-трахать-клевать! Коршун в панике убегает прочь за кулисы, пытаясь спастись сам и спасти свою честь. Запутавшись в портьере, он падает, обрушив часть декорации в оркестровую яму на голову флейтистам. Нырять в этот журчащий музыкальный овраг, будто в сточную канаву на окраине деревни, как какая-нибудь пьянь и рвань подзаборная.

Есть! Есть победа с явным преимуществом, но праздник

петушинных боев так просто не заканчивается. Черта с два! Петух не отступает! На кону вся его репутация, на кону честь семьи и всей Индонезии. Ставки слишком высоки! Как он потом вернется в свою родную деревню и расскажет, что проиграл единственный в истории международный бой?

Дирижер, эффектно размахивающий руками, словно крыльями, лацканы фрака которого напоминают хвост, тоже попадает петуху под раздачу. Первая скрипка в ужасе падает в обморок, контрабасист басит, альтист летит, оркестр начинает играть вразнобой, а рабочие сцены и музыканты выбегают, чтобы прогнать яванского деревенщину восвояси на Яву.

– Пошел вон, мудака! – кричат все и гоняют его по сцене, размахивая швабрами и смычками скрипок и виолончелей. Однако прогнать яванского мудака не так-то просто. Поднаторевший в тайском боксе, закаленный в кулачных боях на окраине мира, он так ловко и изящно размахивал ногами и руками, что затмевал всех прим-балерунов. Блистательными великолепными па – они же сочные удары в челюсть и нос – он сокрушает одного своего противника за другим. Затем хватает за ноги черную Одетту и белую Одиллию и под шумок и хаос тащит их со сцены. Две жены лучше одной, две курочки – лучшая награда победителю.

– Мне же больно, мужлан! – визжит Одетта.

– А мне, думаете, не больно на все это смотреть? – парирует деревенщина. – Разделили весь мир на черных и белых

и радуетесь!

И он прав. Зал в восторге, публика рада оригинальной интерпретации столкновения высокого и низкого. Нескончаемые овации не умолкают, как только рабочие догадываются опустить занавес.

6

А еще я думал про черное и белое в нас. Черный лебедь и белый лебедь. Белый – символ чистоты, невинности. И черный цвет, черная кожа и перья – символ грязи и саморазрушения, символ мазохизма и садизма.

Как странно, что второй раз я сталкиваюсь с Мелиссой на фоне свадебного представления! Что это? Фарс, трагикомедия, драма? Вышла ли она замуж, примирившись с женихом? Или этот ее спутник – сутенер? А может, я всего лишь перепутал двух девушек, и та незнакомка в клубе и нынешняя в театре похожи, как Одиллия и Одетта?

Когда объявили второй антракт, мне удалось найти, заперенговать ложу, в которой сидели Одетта и Зигфрид – ее бритый мужчина в костюме. А еще я заметил, что задний ряд удобных кресел в ложе свободен.

«Заскочу в эту парящую над зрительным залом позолоченную колесницу и сяду на первый попавшийся стул, – решил я во время второго антракта. – Может, тогда мне удастся подслушать, о чем они говорят, чтобы понять, муж с женой

они или просто парень и девушка».

Я так и сделал: как прозвенел третий звонок, проскочил в ложу и пристроился сбоку у портьеры. Теперь уже в нескольких метрах от меня сидела Мелисса и ее избранник, и я мог видеть завиток волос на тонкой шее и ощущать аромат ее тела, от которого мои ноги сводило судорогами.

За моей спиной в фойе на столиках я заметил ведерки с бутылками охлаждающихся алкогольных напитков, а еще бокалы и бутылки с минеральной водой.

Я, кажется, промок под дождем и заболел, аромат Мелиссы лишал меня сил, как зелье, и мне очень хотелось взять одну из бутылок с прозрачной живительной водой, чтобы промочить горло и запить таблетку.

– Мужчина, это ваша вода? – резко повернувшись, прошептала полная дама в перьях. – Вы уверены?

– Извините, – прошептал я, ставя бутылку назад.

– Вы вообще как здесь оказались? Покажите свой билет, молодой человек!

Я был пойман с поличным, я не знал, что эту выпивку предварительно заказывают в буфете, заплатив деньги. Я думал, она положена всем сидящим в ложах, так же как раздают ее бесплатно в бизнес-классах самолетов. Но теперь я был пойман, как воришка, и сгорал от стыда. Думаю, в тот миг я был краснее яванского петуха, краснее его гребешка и бархатной обивки театральных стульев.

– Идите воровать в другое место! – грозно и на этот раз

громко потребовала дама в перьях. И тут все, в том числе и Мелисса с ее спутником-ухарем, повернулись и посмотрели на меня в упор и с укором.

7

Так я был изгнан из золотой колесницы. Меня с позором, как последнего воришку, вывели вон, под презрительные взгляды, в том числе и Мелиссы. Дальше я досматривал спектакль с галерки, как раб, проданный за провинность на галеры. Хотя лучше было бы совсем покинуть зал. Но я не мог так просто оставить Мелиссу и все последнее действие сидел, согнувшись в три погибели, над веслами подлокотников и прячась от публики за спинками-лопастями. Мне казалось, что теперь я – центр представления, что меня приметили и осуждают уже все зрители театра. Что теперь все пялятся только на меня. Под конец я начал ерзать в нетерпении, тряся ключами, как кандалами, ожидая, когда же закончится спектакль. Так мне хотелось то ли сбежать, то ли поскорее оправдаться и реабилитироваться.

Я решил, что если спектакль закончится хорошо, то и в нашей истории все будет хорошо. А если злой волшебник убьет Одетту – странно, ведь я всегда ассоциировал себя со злом, – то и у нас все будет плохо.

И спектакль закончился хорошо. Поняв, что злой волшебник обманул его, подсунув вместо Одетты Одиллию, и что

он ошибся, приняв за белого лебедя другую, похожую на него девушку, Зигфрид спешит на озеро, просит прощения, плачет, бьется в истерике, надевает черные одежды. Лучше спектакль закончиться и не мог. Сам перепутал – сам страдай и погибай.

Каждая встреча и каждая разлука с женщиной – повод для примерки и фаты и савана. А значит, и мне нужно дорожить каждой встречей с Мелиссой. Не дожидаясь окончания аплодисментов, я сбежал вниз к гардеробу, расталкивая локтями по пути таких же нетерпеливых и неблагодарных, как и я, зрителей.

Я поймал Мелиссу у зеркальных стен фойе, когда она, накрутив на шею шарфик, прятала под беретку рассыпающиеся густые локоны. Я подошел к ней вплотную. И быстро, чтобы она не перебивала, выпалил, что это не мое истинное лицо. Что я не вор, как можно было подумать. Что я в последнее время хожу как заколдованный. И что всех нас нужно расколдовать, как расколдовали Одетту. Что у этого города, как и у каждого из нас, истинное лицо совсем Другое.

8

Мелисса смотрела на меня как на городского сумасшедшего, как на психа-фрика из Михайловского сада, который предлагает всем нарисовать их истинный портрет. Но я предлагал, не требовал, не сеанса с позированием.

– Дайте мне скорее ваш номер телефона, или уйдемте из театра вместе, и я все объясню!

Сейчас я понимаю, что нес чистейший бред, но тогда под впечатлением от спектакля мне казалось, что это правильные слова. Более того, произнося их, я накорябал на какой-то бумажке из кармана, может, чеке или билетике, свой телефон и вручил его Мелиссе с просьбой обязательно перезвонить.

И в этот самый момент, когда ошарашенная моим напором Мелисса невольно приняла бумажку с телефоном, к нам подошел ее лысый угрожающе накачанный амбал и с большим интересом заглянул мне в глаза. С таким интересом, что мне на минуту даже стало неловко за него, мол, чего ты так пялишься? Чего ты так вылупился, чувак? Чего ты тут так неловко торчишь? Не видишь, люди хотят поговорить о важном!

Но он быстро сориентировался. Понял по моим безумным глазам, что имеет дело с умалишенным. А потому примирительно улыбнулся-оскалился и ловко оттер меня от Мелиссы всей массой, отсек своим могучим торсом, при этом помогая ей надеть плащ. В этот момент он больше походил на быка, отобравшего у хлипкого тореадора его мулету, законные победы и славу. Или на фокусника, прячущего свое сокровище, сначала под мантию, а потом и в черный ящик автомобиля, чтобы затем дома распилить девушку на восемь частей.

Они ушли, точнее – уехали, сев прямо у порога в подоспевшее такси – черный лондонский кэб. Мелисса даже не оглянулась, и последнее, что я видел в тот мрачный дождливый вечер, был ее светлый плащ, двигаясь за которым я был вытолкнут толпой на улицу из вестибюля.

Подпихиваемый потоками той же толпы, я двинулся в сторону канала Грибоедова. Я шел по вечерним улицам, размышляя о том, какое же все-таки истинное лицо этой женщины и какое истинное лицо этого города?

На мне была рубаша не по размеру. Я купил ее на распродаже, на два размера больше. Рубаша, в которой я терялся, как терялся в этом городе. А плащ Мелиссы был словно сшитый точно по ее меркам личным портным. Будь она сейчас рядом, то наверняка уравновесила бы мою потерянность своей собранностью и элегантностью. Абсолютным соответствием моменту. А я был так растерян, что даже забыл куртку в гардеробе. Да что там куртка, в этих лабиринтах мостов и улиц я, кажется, потерял свое «я». Свое непомерно раздутое до состояния пошлости эго задиристого драчливого петуха, которое в эти минуты сжалось до малопривлекательного образа мокрой курицы на насесте. Курицы, которая высиживает, греет, лелеет лишь одну мысль о клочке бумаги с номером телефона загадочной девушки М.

Да, я еще долго сидел на парапете набережной под мелким дождем, рассматривая спящие по каналам кораблики со счастливыми туристами.

Много позже я догадался, почему на нее подействовали мои слова об истинном лице, которое зачастую скрыто под маской. Как египтолог, она знала, что изображение – это воплощение души. И поэтому мы волей или неволей обладаем всеми теми же качествами, которыми нас наделяют другие. Хотим мы этого или нет, но мы таковыми являемся.

Не знаю, была ли она проституткой, стриптизершей или вышла замуж за лысого накачанного спутника по расчету, чтобы чувствовать себя защищенной. И тут на ее пути возникает человек, еще более униженный, чем она. В глазах других театральных зрителей я был таким же вором, как она проституткой-содержанкой. И она невольно прониклась ко мне симпатией и даже, возможно, нарисовала себе другой мой образ. Вполне симпатичный, казалось мне тогда, образ.

Глава 6

Совсем другая Мелисса

1

А что касается истинного лица города, то для меня оно после ухода и исчезновения Мелиссы все больше обретало ее черты. В каждом прохожем, в каждом незнакомце я подсознательно искал знакомый облик. В каждом проулке и тупике пытался разглядеть ее силуэт, в каждой картине – ее образ, в каждом фильме – намек на наши отношения. «Пиши ее имя непрестанно, это будет твоя медитация-молитва, – научил меня Алистер, – и когда ты достигнешь совершенства, она обязательно появится». Он же, Алистер, научил меня египетским письменам и японским буквам, китайским иероглифам и арабской вязи. Всем тем алфавитам, на которых он сам смог воспроизвести имя «Мелисса».

И я писал. Писал и медитировал. Каждую ночь я молил высшие силы дать мне возможность еще раз увидеть ее, и однажды так и случилось. Я наконец встретил в тусклом переходе Мелиссу. Ближе к вечеру она прошла своей летящей походкой мимо меня в подземку. Только полы черного плаща тренкота чиркнули меня по лицу, как спичка о красный

фосфор чиркаша.

Я поднял глаза и увидел удаляющийся силуэт. Вмиг мое лицо вспыхнуло, как бертолетова соль с магнием. Вначале я растерялся, оторопел, но тут же взял себя в руки и, отшвырнув кисточки, бросился за ней в гущу людского потока. Я очень боялся упустить Мелиссу. Метро и все подступы к нему в час пик были забиты спешащими с работы. Окликать ее в таком шуме не имело смысла. Еще неизвестно, как она отреагирует. Может запросто броситься от меня наутек, скрывшись в черной дыре туннеля прежде, чем я раздвину схлопывающиеся перед самым носом двери.

Еще одной промашки я позволить себе не мог и потому решил просто тихо догнать Мелиссу. Подойти вплотную и, крепко взяв под локоть, заставить выслушать. Но Мелисса вдруг перед самым входом в метро «Невский проспект» резко повернула и пошла по лестнице вверх.

Это мне показалось странным. Зачем она перешла улицу под землей, когда есть наземный переход у метро и Дома книги? Светофор с зеброй, у которых мой приятель Сфинкс в костюме зебры раздает сейчас рекламки. Мелисса всегда отличалась рациональностью, не любила толпы, и такой маневр был не в ее экономном стиле. Более того, скопления людей вызывали у Мелиссы панические атаки.

Неужели она заметила погоню? Тогда, поднявшись по лестнице, она бросится наутек. С новым усердием я поспешил вверх по лестнице, попутно умилившись тому, как изящно она подала милостыню какому-то нищему. Милосердие в других всегда меня удивляло и трогало.

А ведь Мелисса могла бы подать и мне. Заволновавшись пуще прежнего, я прибавил шаг, насколько это было возможно. Мельком взглянув на нищего и отметив, что прежде никогда не видел здесь этого парня-задрота.

Нет, на шпильках ей от меня не убежать! Сблизившись с Мелиссой вплотную, я отчетливо слышу, как стучит мое ушедшее в пятки сердце в такт цоканью ее каблуков по мостовой. И даже позвоночником ощущаю, как в сумочке у нее зазвонил-завибрировал телефон. Мелисса достала мобильный и прижала его к уху.

Я обратил внимание, что это маленький дамский телефон – раскладушка черного цвета. Такого у Мелиссы раньше не было. А где же ее любимый белый «Нокиа»? Неужели она его выкинула, чтобы ее стало невозможно найти по ай-пи-адресу, как ищут преступников?

Кто это? Кто смеет звонить Мелиссе, в то время когда я ее наконец нашел?

Ревность! Ревность! Мелисса слишком бодро попривет-

ствовала звонящего, чуть хихикая в трубку. Я был от Мелиссы в нескольких шагах, боясь слишком приблизиться, но одновременно намереваясь подслушать разговор и узнать, кто и о чем с ней говорит...

Но из-за шума Невского я почти ничего не разобрал, кроме: «Я получила это от Ахета на том же месте, что и вчера...» А еще прочесть выскочившее на дисплее имя адресата – «Димузи».

Ахет, Димузи? Кто эти люди? Что за египетская абракадабра?

3

И тут произошло то, что выбило меня из колеи. Мелисса остановилась у светофора, рядом с Казанским собором, чтобы перейти на другую сторону Невского. Одновременно она достала из левого кармана плаща длинную пачку сигарет и, зажимая плечом и щекой телефон, прикурила.

Это были тонкие длинные женские сигареты «Вог». Белая легкая палочка словно добавила изящества пальцам Мелиссы с перламутровым маникюром. Я терпеть не могу курящих женщин. Мелисса знала об этом и никогда не курила. Неужели она так переживает наш разрыв?

Мне стало жаль мою девочку так сильно, что я мысленно даже погладил Мелиссу по голове. Я уже хотел подойти поближе и обнять Мелиссу на самом деле, но тут загорелся зе-

ленный, и она сошла с тротуара и засемила на каблуках по переходу. Навстречу шли люди.

На какой-то момент я упустил Мелиссу из виду. А когда вновь увидел и почти нагнал, она уже не говорила по телефону, но курила другую сигарету, точнее, держала пальцами правой руки короткую, мужскую, темного цвета. В левой руке вместо черной раскладушки у нее был белый телефон.

Что за фокусы? Телефон и сигарета будто поменялись местом и цветом. Но за время перехода через Невский и канал Грибоедова она точно не смогла бы выкурить ту первую – длинную, белую. Разве что делая затяжки лошадиными дозами.

Я ничего не понимал. Зачем Мелисса ходит кругами? Что она должна получить? Зачем Мелиссе два телефона одной модели, но разного цвета? Зачем ей сразу две пачки сигарет?

Но думать было некогда. Она уже подходила к Малой Коношенной, туда, где памятник Гоголю, Шведская церковь и старинный барометр. Это немногочисленная тихая улица. Самое место для спокойного разговора.

4

Я много раз прокручивал в голове нашу гипотетическую беседу при встрече и был во всеоружии. Но тут Мелисса резко повернулась и пошла навстречу, буквально чуть не налетев на меня.

– Извините, – буркнула она, не прекращая говорить по телефону и не обратив на меня внимания.

Я успел только отскочить.

Это была не Мелисса. А просто девушка, очень похожая на нее. Того же типажа и роста, комплекции – но совсем другая. Сильно старше и какая-то блеклая, что ли. Серые глаза, пепельная челка, высокие серые скулы на безжизненного цвета лице курильщицы. Она могла бы быть моей ровесницей, но морщины выдавали, что она даже старше... И как только я мог перепутать! Должно быть, меня сбила с толку фигура. Волосы – пепельный блонд, короткое каре, подчеркивающее щеки и уши, прямо как у Мелиссы в последний период наших отношений, когда она вдруг резко, несмотря на все мои протесты, решила сменить имидж и прическу и открыть свои выразительные ушки.

Плюс еще идеально сидящий на ней плащ, который мы присмотрели в Доме Мертенса. Такой плащ был большой редкостью, эксклюзивная работа, и стоил кучу денег. И он в моей памяти сросся с образом Мелиссы...

Короче говоря, какое-то время я стоял в оцепенении и смотрел вслед курильщице, пока девушка, дотянув свою черную мужскую сигарету и спрятав белую раскладушку в правый карман плаща, вдруг снова нырнула в метро на станции «Канал Грибоедова».

Это мне показалось совсем уж странным. И проснувшийся инстинкт охотника заставил меня по инерции вновь побежать за сбившей меня с толку девушкой. Наверное, я точно параноик, как утверждала Мелисса, раз позволяю себе подобные выходы.

В метро я сел в соседний вагон и, прижавшись лицом к стеклу, стал вглядываться в ее очертания через тусклую выпуклую линзу окна. В ее пепельную челку, в глаза с паутинками морщин вокруг. Кожа у глаз особенно тонка. А освещение ломает волосы, делая их безжизненными.

А еще я подумал, что эта девушка могла быть Мелиссой в возрасте. Мелиссой лет через двадцать. В сети есть такое приложение, которое позволяет сделать старым любого человека. Достаточно загрузить фото и применить соответствующий фильтр. Программа с помощью нейросетей состарит лицо.

Все мы немного в это играли, и однажды я, показав обрубку Радию свое состарившееся лицо, предложил и ему проделать тот же трюк.

– Зачем? – удивился Радий.

Он вообще был практичным, этот малый без рук и ног, умудряясь собирать на своей коляске по вагонам метро нехилую сумму. Ему это удавалось, потому что Радий знал, что

кому сказать, и не брезговал называть себя ветераном то чеченской, то афганской, то еще какой-нибудь финно-угорской войны.

– Да так, по приколу. Вдруг у тебя к старости появятся другие протезы, – неудачно пошутил я над Радием.

– Ты бы еще в бабу себя переделал. А вообще не советую, – заметил Радий. – Бесплатный сыр только в мышеловке. Эта программа собирает информацию. Личные данные.

– Да кому ты, нахер, нужен, нищий инвалид? Тебя вон даже государство бросило после всех твоих тридцати трех войн!

– Я-то как раз и буду нужен. Особенно в старости, когда разбогатею.

– Ты не разбогатеешь, Радий. Если только не переделаешь себя в бабу и не пойдешь на панель. Такие, как ты, бабы без рук и ног и зубов, будут там в цене.

– В старости я буду выглядеть примерно так. – Он достал обрывок газеты с фотографией какого-то миллиардера, которого грохнула родня.

Это меня позабавило тогда. И сейчас, вспомнив о словах Радия, я тоже неволью улынулся и тут же испугался, что девушка, похожая на Мелиссу, заметит мою улыбку и улыбнется в ответ.

Я проехал с ней до станции «Маяковская». Не знаю, в чем я хотел убедиться. Возможно, из-за отсутствия реальной цели я стал преследовать цель мнимую, лишь бы что-то менялось и происходило в жизни.

Я шел за ней по пятам. И эта одержимость не дала мне возможности сразу понять, зачем она села на станции «Гостинный двор» и доехала до «Маяковской», а уже там сделала пересадку на красную ветку, а не поехала через «Технологический институт».

Она что, чокнутая? Я видел, как она подала еще одному нищему. Все подающие нищим немного сумасшедшие. «Ку-ку, – как говорил Радий, – Ку-ку, кукареку».

– Я, когда стану миллиардером, – утверждал Радий, – нищим ни за что не буду подавать.

– Почему?

– Не почему, а зачем. Чтоб скорее сдохли. Однажды я видел в метро нищенку, которая периодически начинала лаять как собака. И зачем ей, спрашивается, жить? Этой Ку-ку, кукареку.

Действительно, зачем? Зачем постаревшая копия Мелиссы ходит по городу и метро кругами? Что ищет? И почему мне приходится идти за ней по пятам? Сначала по одному переходу на пересадку. Затем по-другому. А потом трястись

в переполненном вагоне в час пик аж до станции «Автово», делая это будто под гипнозом.

Заколдовали меня, приворожили? Сначала Мелисса, а потом девушка, похожая на нее. Я что, тоже сошел с ума? И вот-вот залаю, как та собака, которая стремится доказать существу, что она – собака, идея собаки.

Выйдя на станции «Автово», я дошел за постаревшей Мелиссой до сталинки, в которой она, по всей видимости, жила. В массивном доме с большим двором. В таких сталинках высокие потолки и большие окна – не то что у меня в дворницкой. Пепельная челка скрылась в дверях парадной, а я вернулся к вестибюлю метро. Был вечер, и я сел на скамейку у ларьков, торгующих фруктами, цветами и шавермой. Сидел и вдыхал запах лилий, подгнивших дынь и жареного мяса с капустным листом.

Я любовался колоннами над входом в метро. Только теперь я понял, что вышел к другой станции – к «Кировскому заводу». Так я просидел какое-то время до утра, пока Кировский завод не дал гудок.

7

А еще я думал про странные круги, которые эта женщина наматывала по Питеру, а я наматывал их вслед за ней. Подобные круги все большего диаметра расходятся, если бросить камень в озеро или колодец. В колодец питерского дво-

ра, например. Бульк, несколько кругов эха, и снова ничего нет – кроме пустоты и тишины.

Такое ощущение пустоты у меня было сейчас, когда после прогулки в незнакомой части города я булькнул в своей камерке в кровать. Ощущение пустоты и тщеты среди несвежих простыней и подушек, пахнущих гнилым капустным листом.

Я постепенно превращался в бесчувственный манекен. Тот самый манекен с черными кудрявыми волосами и в костюме-тройке, который стоял рядом с девушкой-манекеном в черном плаще и с платиновыми волосами каре в витрине Дома Мертенса.

Мы гуляли по Невскому в обнимку, и Мелисса вдруг замерла у эркеров напротив этой счастливой лубочной парочки. В рамке гигантской витрины пара выглядела как объемная идеальная картинка счастливой жизни. Мелисса редко останавливалась, но тут задержалась, будто о чем-то вспомнив, и мне пришлось замереть рядом.

– Вот этот образ мне нравится, – Мелисса показала рукой на манекен-женщину.

– Плащ, прическа или вся целиком? – в эту минуту я понял, что она хочет, чтобы мы, точнее, я соответствовал картинке. Чтобы я мог себе позволить быть таким же, как кудрявый манекен, хоть в чем-то. Например, в том, чтобы взять и купить ей такой же плащ взамен порванного об ограду Михайловского сада.

– Целиком, но плащ как раз такого покроя, он мне идет, и я такой хотела. Черный тренкот вместо того моего белого макинтоша. Помнишь?

Еще бы я не помнил.

– Я разобью стекло и украду его для тебя? – предложил я, вспомнив разбитые после артобстрелов магазины в Хомсе и Алеппо, валяющиеся там прямо на мостовой вещи и трупы. И тут же пожалел о сказанном. Потому что Мелисса посмотрела на меня так, будто поймала с поличным.

– Тебя упекут в тюрьму, – произнесла она сквозь сжатые, как накрепко застегнутые наручники, губы.

– Шучу, – смутился я, но было уже поздно.

– Глупая шутка. – Губы, кажется, еще и посинели, как сталь на холоде. Взгляд оценивающий и строгий, как у надсмотрщика.

– Хорошо. Я устраюсь сюда работать и куплю для тебя этот плащ с первой зарплаты, – выпалил я, заметив на стекле объявление о том, что в бутик требуется охранник.

– Думаешь, что сможешь работать охранником и торчать здесь с утра до вечера, как манекен в костюме-тройке? – уколола меня Мелисса, указывая на мужчину в костюме. – Сидеть на посту вместо того, чтобы в твоей обычной манере фланировать по городу туда-сюда в поисках импрешн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.